

Сильнов М.А.

Вопросы обеспечения допустимости доказательств в уголовном процессе (досудебные стадии)

Москва 2001

Оглавление

Введение

I. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве и задачи прокурора по ее обеспечению

1. Понятие допустимости доказательств

2. Задачи прокурора по обеспечению допустимости доказательств

3. Характер нарушений закона и возможности их устранения средствами прокурорского надзора

II. Надзор прокурора за обеспечением прав человека и гражданина при собирании и закреплении доказательств

1. Защита прокурором прав участников процесса - важное условие обеспечения допустимости доказательств

2. Проблемы государственной защиты лиц, содействующих решению задач уголовного судопроизводства

3. Обеспечение прокурором допустимости результатов оперативно-розыскной деятельности

4. Критерии допустимости психологического воздействия при производстве следственных действий и надзор прокурора за соблюдением ч.3 ст.20 УПК.

III. Надзор прокурора за исполнением норм уголовно-процессуального закона при собирании и закреплении доказательств

1. Обеспечение допустимости материалов доследственной проверки.

2. Иммуниеты в уголовном судопроизводстве

3. Надзор прокурора за использованием знаний сведущих лиц при расследовании преступлений.

4. Надзор прокурора за использованием дополнительных средств фиксации при производстве следственных действий.

IV. Надзор прокурора за соблюдением требования закона о собирании и закреплении доказательств надлежащим лицом.

1.Общая характеристика процессуальных норм, характеризующих полномочия надлежащего субъекта доказывания.

2.Компетенция помощника прокурора и его возможности в обеспечении допустимости доказательств.

Заключение

Введение

В настоящей работе автором предпринята попытка комплексного исследования проблем прокурорского надзора в сфере обеспечения допустимости доказательств.

Как видно уже из структуры работы она построена на последовательном анализе "слабых" допустимости применительно к проблемам надзорной деятельности прокуратуры: надзор за соблюдением гарантированных Конституцией прав и свобод человека и гражданина (сквозь призму прав участников уголовного судопроизводства), обеспечение прокурором установленного уголовно-процессуальным законом порядка собирания и закрепления доказательств, обеспечение прокурором сбора доказательств надлежащим лицом.

Обеспечение прокурором законности при осуществлении надзора за производством следственных действий представляет собой самостоятельную и достаточно сложную задачу, связанную с обеспечением относимости, допустимости и достоверности доказательств на всех этапах процесса доказывания (собирания, закрепления, проверки и оценки доказательств).

Успешное ее решение возможно лишь при условии понимания сущности доказательств и способов их собирания и закрепления, знания последних изменений в законодательстве, практики Конституционного и Верховного судов РФ, надзорной и следственной практики по наиболее сложным проблемам процессуального доказывания.

В настоящей работе автором использованы как "традиционные" источники, так и новейший нормативный материал.

Автор выражает надежду, что данная работа явится хорошим подспорьем прокурорам, осуществляющим надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия в правильной организации их повседневной деятельности.

Думается, что ознакомление с представленным материалом будет полезным и для молодых следователей только начинающих осваивать азы этой нелегкой профессии, для студентов изучающих курсы "Прокурорский надзор", "Уголовный процесс" и "Криминалистика".

Глава 1. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве и задачи прокурора по ее обеспечению.

1. Понятие допустимости доказательств.

Допустимость - есть пригодность доказательства с точки зрения законности источников, методов и приемов получения соответствующей информации.

В более конкретном понимании допустимость - такое свойство доказательства, которое характеризуется законностью источника фактических данных, а также способов получения и фиксации фактических данных, содержащихся в таком источнике .

Хотя в законе отсутствует норма, определяющая понятие допустимости, вывод о признании за доказательствами такого свойства логически вытекает из содержания ст.50 ч.2 Конституции РФ - “доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими юридической силы” и ч.3 ст.69, в соответствии с которой “доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания обстоятельств, перечисленных в ст.68 УПК”.

Обеспечение субъектами доказывания допустимости доказательственной информации прежде всего означает необходимость получения фактических данных, сведений, составляющих содержание доказательства только от определенных лиц и с соблюдением установленной законом процедуры проведения этого следственного действия. Такой вывод следует из Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 31 октября 1995г. "О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия", в соответствии с которым *доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их сборании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией Российской Федерации права человека и гражданина, или установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их сбора и закрепления, а также если сбор и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом, либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами.*

Из сформулированных Верховным Судом правил, в частности, вытекает, что недопустимо использовать в процессе доказывания фактические данные, не закрепленные и не приобщенные к делу в деле в виде одного из источников (например перехваченная в следственном изоляторе записка арестованного) или использовать в качестве доказательства фактические данные, содержащиеся в источниках, не предусмотренных процессуальным законом (например, оперативные материалы, без их проверки и оценки соответствующими средствами доказывания).

Следует согласиться также с мнением Шейфера С.А. о том, что недопустимость доказательства порождает и использование ненадлежащих средств доказывания, не соответствующих характеру следов преступления и предусмотренному законом порядку их изъятия (очная ставка, проведенная вместо опознания). Такие же последствия наступают в случаях, когда следователь или суд при получении доказательств произвольно изменяют требуемое законом сочетание познавательных средств. Например, не соблюдаются требования закона о том, чтобы очная ставка проводилась между двумя ранее допрошенными лицами /ст. 162 УПК/; приобщению к делу вещественного доказательства предшествовал его осмотр /ч. 1 ст. 84 УПК/; опознающие предварительно допрашивались об обстоятельствах, при которых они наблюдали соответствующее лицо и предмет, и о его приметах и особенностях, по которым они могут произвести опознание /ч. 2 ст. 164 УПК/, что проявляется в существенных отступлениях от порядка проведения следственного действия, вызывающих искажение информации. По мнению автора, сюда же можно отнести нарушения связанные с произвольным изменением установленного законом набора средств доказывания. Например, нарушение ч.1 ст.119 УПК органом дознания по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, выразившееся в производстве следственных действий, не предусмотренных указанной нормой.

Представляется, что прав Ю.В.Кореневский когда утверждает, что использование одних и тех же доказательств под видом различных и самостоятельных, создает превратное впечатление о наличии совокупности доказательств там, где в действительности имеется лишь одно. Речь идет о различных модификациях показаний обвиняемого, признающего свою вину. В подобных случаях в обвинительном заключении и приговоре порой перечисляются как доказательства виновности : показания, которые даны обвиняемым на допросе, на очной ставке, в ходе проверки на месте. Как справедливо отметил Ю.В.Кореневский, результаты подобных следственных действий могут приобрести значение самостоятельных доказательств лишь при условии, если при этом получены какие-либо новые данные, либо подтвердились (опровергнуты) прежние.

Кроме того, следует учитывать, что уголовно процессуальное законодательство прямо указывает случаи, когда определенная информация не может служить доказательством по делу.

Так, УПК определяет случаи, когда определенные лица не могут быть допрошены в качестве свидетелей (потерпевших) или когда сведения определенного содержания, сообщаемые указанными участниками процесса не будут иметь доказательственного значения.

К числу сведений, не имеющих доказательственного значения, относятся показания свидетеля (потерпевшего), если он не может указать источник своей осведомленности (ст.74, 75 УПК), а также показания, в которых высказываются предположения о тех или иных фактах, но не содержится категорических утверждений относительно этих фактов, так как в соответствии со ст.309 УПК обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

Представляется, что недопустимыми должны признаваться и доказательства, полученные на основании незаконно добытых, как являющиеся от них производными. "Плоды отравленного дерева" - так образно окрестили американские юристы такие доказательства.

На стадии судебного разбирательства Золотых В.В. выделяет еще один критерий допустимости доказательств - "правило о несправедливом предубеждении". Оно должно защитить присяжных заседателей от влияния доказательств, которые могут отрицательно сказаться на степени их объективности и привести к решению, основанному на эмоциях, несправедливом предубеждении.

Отчасти новая трактовка понятия недопустимых доказательств содержится в проекте УПК, принятом Государственной Думой РФ во втором чтении в июне 2001г.

По замыслу разработчиков ст.75 Проекта доказательства, полученные с нарушением требований УПК, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 (проекта). К недопустимым доказательствам относятся: 1) показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтвержденные им в суде; 2) показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также в тех случаях, когда свидетель не может указать источник своей осведомленности; 3) иные доказательства, полученные с нарушением требований УПК.

Представляется однако, что сравнительно новым в трактовке понятия допустимости является заложенный в норму принцип о том, что признание вины может быть положено в основу обвинения только в случае, когда оно получено в присутствии защитника.

2. Задачи прокурора по обеспечению допустимости доказательств

Задачи прокурорского надзора за обеспечением органами предварительного расследования такого свойства доказательств как их допустимость вытекают прежде всего из названных выше положений ч.2 ст.50 Конституции Российской Федерации, ч.3 ст.69 УПК, Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 31.10.95г. "О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия", а также нормативных актов Генпрокуратуры РФ.

Так, приказ №31 Генерального прокурора " Об организации прокурорского надзора за следствием и дознанием" от 18.06.97г. нацеливает прокуроров на:

- защиту прав и законных интересов потерпевших (1.1);
- своевременную проверку законности задержания подозреваемых, предъявление обвинения (1.5);
- недопущение использования задержания и ареста как средства получения от подозреваемого или обвиняемого признания вины в совершении преступления (1.8);
- тщательную проверку доводов обвиняемого о невиновности, оказании на него давления, нарушения права на защиту при санкционировании ареста (1.10);
- *недопустимость использования доказательств, полученных с нарушением установленного законом порядка.*

При этом приказ нацеливает прокуроров на необходимость исключения из процесса доказывания доказательств, полученных с нарушением требований Конституции РФ, уголовно процессуального законодательства (1.14)

Приказом Генерального прокурора N 56 от 25 апреля 2000 г. "Об организации надзора за исполнением Федерального закона "Об оперативно - розыскной деятельности" определены задачи и полномочия прокурора по обеспечению допустимости результатов ОРД.

Так, согласно п.7, при решении задачи восстановления нарушенных прав и свобод граждан, защите конституционных гарантий от нарушений со стороны должностных лиц, осуществляющих оперативно - розыскную деятельность, и проведении проверок по другим основаниям уполномоченным прокурорам использовать определенные законом методы прокурорского надзора:

- знакомиться с подлинными оперативно-служебными документами, материалами о проведении оперативно - розыскных мероприятий;
- давать письменные указания об осуществлении об осуществлении тех или иных оперативно-розыскных мероприятий либо требовать их прекращения;
- отменять необоснованные постановления органа дознания (следователя) о возбуждении уголовного дела, вынесенные в порядке реализации оперативно-розыскной деятельности;

- направлять в суд жалобы, проверка которых относится к исключительной компетенции судей;
- требовать письменные объяснения от должностных лиц, осуществляющих оперативно - розыскную деятельность и допустивших нарушения закона при проведении оперативно - розыскных мероприятий;
- опротестовывать противоречащие закону приказы и указания руководителей органов, осуществляющих оперативно - розыскную деятельность;
- вносить представления по поводу выявленных нарушений закона должностными лицами этих органов и требовать от руководителей отстранения их от дальнейшего ведения оперативных разработок;
- требовать от руководителей органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, отстранения подчиненных им оперативных работников от дальнейшего ведения оперативных проверок в случае нарушения ими закона;
- при обнаружении признаков преступления проверку проводить в соответствии с требованиями ст. 109 Уголовно - процессуального кодекса.

В соответствии с п.5 уполномоченным прокурорам при проведении проверок обращать внимание:

- на законность принимаемых решений о производстве или прекращении оперативной проверки и использовании результатов оперативно - розыскной деятельности;
- на соответствие оперативно - розыскных мероприятий целям и задачам оперативно - розыскной деятельности, а также недопустимость применения информационных систем и технических средств, наносящих ущерб жизни и здоровью людей и причиняющих вред окружающей среде;
- на наличие предусмотренных законодательством полномочий у лиц, осуществляющих оперативно - розыскную деятельность, и оснований для проведения оперативно - розыскных мероприятий, в том числе на проведение которых разрешение дано судом;
- на соблюдение установленных законодательством условий и порядка проведения оперативно - розыскных мероприятий.

Проводимая в настоящее время в России судебная реформа в основном связана с расширением прав подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в условиях сохранения статуса потерпевших.

Наблюдающийся дисбаланс негативно отражается на функционировании системы правосудия в целом.

Действительно, защитник обвиняемого имеет право при ознакомлении с материалами дела выписывать из него любые сведения. Представителю потерпевшего такого права не предоставлено. С материалами завершенного дознания потерпевший и его представитель знакомиться не могут вообще.

Право потерпевшего заявлять ходатайства трудно реализуемо, так как он даже не знает в чем конкретно обвиняется лицо, причинившее ему вред.

Столь же проблематичной представляется возможность участия потерпевшего участвовать в некоторых следственных действиях (осмотр, следственный эксперимент) т.к. к моменту их проведения еще не вынесено соответствующее постановление, определяющее его правовой статус.

Не вручается потерпевшему и копия постановления о прекращении дела, т.к. по закону следователь только обязан письменно уведомить потерпевшего об основаниях прекращения уголовного дела.

Поэтому одной из основных задач прокурорского надзора очередь является принятие комплекса мер, направленных на обеспечение требований норм процессуального закона, регламентирующих права потерпевших и их защиту и определяющих в конечном счете допустимость полученных доказательств.

В информационном письме Генеральной прокуратуры РФ № 36/182-00 от 6 марта 2000г. "О состоянии преступности, результатах следственной работы и прокурорского надзора за следствием и дознанием в Российской Федерации в 1999г." исследованы причины низкого качества следствия.

К ним в числе других отнесены:

- Пренебрежение следователей к исполнению требований закона о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств совершенных преступлений.
- Неквалифицированные действия при доследственной проверке материалов об экономических преступлениях.
- Упущения, допускаемые на начальном этапе расследования, связанные с неправильным оформлением протоколов осмотра мест происшествия, обнаружения и изъятия наркотических веществ.
- Факты незаконного задержания и предъявления обвинения.
- Ненадлежащий прокурорский надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия и некоторые другие.

Генеральная прокуратура обязала надзирающих за расследованием дел прокуроров повысить эффективность использования уголовно-процессуальных средств для борьбы с преступностью, сосредоточить основные усилия на повышении качества работы следователей и органов дознания, повысить действенность прокурорского надзора и ведомственного контроля за расследованием преступлений, принять меры к укреплению законности на предварительном следствии.

В приказе Генерального прокурора РФ № 141 от 13.11.2000 "Об усилении прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве" - при расследовании и раскрытии преступлений нередко нарушается право граждан на защиту, проводятся необоснованные обыски, задержания и аресты, не соблюдаются сроки содержания под стражей, допускается неправомерное привлечение граждан к уголовной ответственности. В практике избрания ареста как меры пресечения зачастую берут верх формальные соображения, когда арест применяется по мотивам одной лишь опасности совершенного преступления. В результате под стражу заключаются лица, не нуждающиеся в столь строгой мере пресечения. Далек не всегда рассматривается вопрос об освобождении обвиняемых из-под стражи, когда в этом отпала необходимость. Не удалось

исключить факты пренебрежительного отношения к требованиям закона о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела, игнорирования доводов подозреваемых и обвиняемых, а также обстоятельств, опровергающих или ставящих под сомнение обвинение. Не изжиты случаи применения недозволённых методов ведения дознания и следствия, осуждения невиновных.

Указанные нарушения во многом обусловлены просчётами в организации надзора и контроля, ослаблением спроса с прокуроров и следователей за профессиональные упущения и безответственное отношение к соблюдению уголовно-процессуальных требований, приказов и указаний Генерального прокурора Российской Федерации. В ряде регионов .недостаёт четкой системы отслеживания складывающейся практики, тщательного анализа причин допущенных нарушений, оперативных мер по их реальному устранению.

Генеральный прокурор предписывает подчинённым прокурорам комплексно, не реже раза в полугодие анализировать состояние прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве. Выводы из результатов использовать для совершенствования организации надзора, контроля исполнения, работы с кадрами и профессиональной учебы.(п.2.3), требует Повысить ответственность прокуроров, следователей и работников органов дознания за неукоснительное соблюдение конституционных гарантий неприкосновенности личности и жилища граждан, требований закона о всестороннем, полном и объективном расследовании и праве обвиняемых и подозреваемых на защиту (п.2.4).

3. Характер нарушений закона и возможности их устранения средствами прокурорского надзора.

В информационном письме Генеральной прокуратуры “О некоторых из возможных причин провозглашения коллегией присяжных заседателей оправдательных вердиктов по делам об убийствах и других тяжких преступлениях” № 12/5-99 от 18.06.99 проанализированы наиболее типичные ошибки при производстве расследования, ставшие причиной вынесения оправдательных вердиктов присяжными заседателями по делам 1998 года. Недоработки следствия чаще всего выражались в следующем:

— в несвоевременном возбуждении уголовного дела, осмотре места происшествия, проведении других неотложных следственных действий, неисполнении требований ст. 20 УПК РСФСР о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела, ничем не оправданном игнорировании ходатайств обвиняемого и его защитника;

— противоречивости и чаще всего невозможности в суде дефиците доказательственной информации, в особенности по делам о групповых преступлениях, что порождало у присяжных сомнения в виновности подсудимых, затрудняло понимание ими роли каждого из соучастников преступления;

— непринятии следователями исчерпывающих мер к закреплению добытых доказательств путем проведения следственного эксперимента, дополнительного осмотра места происшествия, обыска, выемки, опознания, допроса лиц, которым очевидец и обвиняемый сообщили указанные сведения, фиксацией хода допросов и других следственных действий при помощи видеозаписи и т.п., что влекло отказ обвиняемых и свидетелей от прежних показаний (деталей обстановки места происшествия, способа и орудий преступления, внешности и поведения потерпевшего и преступника, конкретных обстоятельств,

предшествующих и сопутствующих расследуемому преступлению, которые могли быть известны только очевидцу и преступнику);

— в нарушении конституционных и процессуальных прав подозреваемого и обвиняемого, в том числе права не свидетельствовать против себя и близких родственников, в нарушении порядка производства следственных действий и иных процессуальных упущениях, влекущих признание доказательств недопустимыми. Чаще всего доказательства исключались из судебного разбирательства потому, что допросы близких родственников обвиняемого проводились без разъяснения им конституционного права на отказ от дачи показаний, а подозреваемый допрашивался в качестве свидетеля и ему не разъяснялось конституционное право не свидетельствовать против себя (ст. 51 Конституции РФ), из-за нарушения права обвиняемого на защиту в стадии предварительного следствия.

— В некоторых случаях доказательства исключались из-за непривлечения понятых к производству следственных действий, когда их участие обязательно, или привлечения в качестве понятых лиц, заинтересованных в исходе дела, в том числе будущих обвиняемых;

— из-за несоблюдения правил предъявления для опознания;

- сбора доказательств неправомочным лицом.

Кстати сказать, в упомянутом выше информационном письме Генеральная прокуратура отмечает, что в суде присяжных при исследовании допустимости доказательств наиболее ярко заявляет о себе известное в мировой практике правило "о плодах отравленного дерева". Так, по делу Суворова и других при осмотре места происшествия был изъят провод, которым, по версии обвинения, был задушен потерпевший. Однако этот провод не был упакован и опечатан, поэтому полученные в дальнейшем доказательства - протокол осмотра провода как вещественного доказательства и заключение эксперта о результатах его исследования - были исключены судьей из разбирательства дела еще на стадии предварительного слушания.

В указанной связи интересными представляются результаты исследования Б.Н.Комлевым наиболее типичных ошибок следствия, влекущих признание доказательств недопустимыми. К их числу автор относит:

— тактически ошибочное определение места допроса. Допрос в месте нахождения свидетеля проводится в исключительных случаях (болезнь, престарелый возраст, инвалидность и т. и.). Иные случаи допроса свидетеля и потерпевшего по месту их нахождения, в особенности по месту жительства, могут привести и иногда влекут заявления обвиняемого, его защитника, самого свидетеля об отводе следователя в связи с его заинтересованностью в исходе дела;

— производство допросов свидетелей и потерпевших во внеурочное время часто влекут заявления о психологическом давлении с целью получения нужных показаний. Как правило, в этой ситуации доводы заявителей опровергать довольно сложно;

— несоблюдение требований о том, чтобы свидетели по одному и тому же делу не могли общаться между собой. Общение свидетелей между собой может быть использовано в качестве повода для утверждения обвиняемого и его защитника о том, что свидетель получил информацию от других лиц и не помнит от кого, либо свидетель сам начинает

утверждать, что ранее заблуждался и дал показания, не соответствующие действительности;

— показания записываются не дословно, не от первого лица, а от третьего. В дальнейшем эти нарушения используются обвиняемым и его защитником для заявлений о том, что запись показаний от третьего лица исказила содержание показаний. Невозможность опровержения таких доводов влечет исключение показаний из процесса доказывания;

— текст в протоколе допроса записан разными почерками и красителями;

— в протоколе применены речевые обороты, которые допрошенное лицо не могло применить в силу своего уровня развития.

— довольно часто не указываются дата, время и место проведения следственного действия, фамилия и должность лица, проводившего следственное действие, фамилия, имя, отчество допрошенного лица, отсутствуют подписи допрошенного лица, переводчика на каждой странице протокола и подписи следователя в конце протокола допроса.

Томским областным судом при рассмотрении дела Б. по ст.170, ч.1, 173 ч.3 УК РФ исключены из системы доказательств:

- протоколы допросов обвиняемого Б.И. подозреваемого К. в связи с нарушением требований ст.141 ч.1 и 151 ч.3 УПК, поскольку протоколы допросов были составлены и предъявлены для ознакомления допрашиваемым спустя 4-7 дней.
- Протокол допроса свидетеля Г. в связи с нарушением требований ст.158 и 160 УПК поскольку свидетелю было предоставлено право изложить показания собственноручно без предварительного допроса следователем.

Часто фактические данные исключаются из-за использования *ненадлежащего средства доказывания*.

В указанной связи следует отметить, что в уголовном процессе сложилась ситуация, при которой, с одной стороны, при допросе в целях проверки показаний могут предъявляться вещественные доказательства, иные материалы и документы, а с другой, ст.164 УПК говорит о *возможном, “в случае необходимости”*, предъявлении для опознания вещественных доказательств. Таким образом, в законе одновременно существуют как бы два режима - собственно процессуальное опознание и узнавание в процессе допроса, что на практике порождает определенные трудности, связанные с неотрегулированностью в УПК вопроса о возможности применения того или иного средства доказывания в конкретной следственной ситуации.

В “идеале” выход из сложившегося положения видится в более жесткой законодательной регламентации процессуальных оснований к предъявлению для опознания. Предлагается зафиксировать в законе не право, а обязанность следователя в необходимых случаях проводить опознание. Решению проблемы могло бы способствовать также закрепление в нормах УПК, регламентирующих порядок проведения допросов свидетелей, потерпевших, обвиняемых и подозреваемых, правил предъявления в процессе допроса некоторых объектов, в частности протоколов следственных действий и приложений к ним, иных рисунков, схем, а также документов.

Учитывая, однако, проявляющиеся на практике тенденции по ужесточению требований к допустимости доказательств, мы рекомендуем в подобных “пограничных ситуациях” производить опознание по правилам ст.164 УПК.

Длительное время в практике расследования преступлений использовалось в качестве средства доказывания следственное действие, сопровождающееся выходом с обвиняемым (подозреваемым, свидетелем, потерпевшим) на место, где происходили события, связанные с расследуемым преступлением, именуемое в теории **“проверка показаний на месте”**. Действительно уникальное по своей познавательной природе действие, сочетающее в своей структуре методы допроса, осмотра и следственного эксперимента активно используется при расследовании некоторых категорий дел (убийства, грабежи, кражи, изнасилования).

Несмотря на широкое распространение в практике расследования преступлений использования проверки показаний на месте, официального закрепления в УПК данное следственное действие не получило, что дает возможность для защиты заявлять в суде ходатайства об исключении протокола проверки показаний на месте из системы доказательств по делу. Практические работники стали вынуждены “маскировать” это следственное действие под другие “осмотр” с участием лица, показания которого требуется проверить или следственный эксперимент.

Представляется более правильным оформлять указанное действие протоколом осмотра, поскольку порядок производства следственного эксперимента требует от следователя производства необходимых опытных действий (183 УПК), а этого зачастую не происходит.

В рамках рассматриваемой проблемы представляется важным отметить, что несмотря на огромный познавательный потенциал судебных экспертиз, мы не считаем возможным использовать в доказывании те из них, методологическая обоснованность которых вызывает определенные сомнения.

Такова, например, так называемая “полиграфическая экспертиза”, на допустимости использования которой в доказывании настаивает Е.В.Никитина. Представляется, что методы любых экспертных исследований должны базироваться на научно-обоснованных положениях, внедренных в практику. Этого нельзя сказать о методике полиграфических исследований, результаты которых, к тому же, предполагают субъективное толкование.

По указанной причине мы разделяем позицию А.А.Леви, Н.М.Кипниса о недопустимости использования полиграфических экспертиз в качестве средства доказывания при проверке показаний.

Вместе с тем, мы не исключаем возможности непроцессуального применения при допросе полиграфа, с согласия допрашиваемого, в целях получения ориентирующей информации, формирующей у следователя представление об особенностях личности допрашиваемого, типичных для него поведенческих реакциях и т.д.

Согласно исследованию, проведенному Е.Ю.Львовой по материалам уголовных дел, рассмотренных Московским областным судом, исключение доказательств как недопустимых стало устойчивой практикой в связи со следующими нарушениями:

1.Использование ненадлежащих средств доказывания

- протоколы изъятия оформлены вместо протокола обыска;

- протоколы добровольной выдачи - вместо протокола выемки;
- протоколы проверки показаний на месте - вместо протоколов осмотра с участием обвиняемого, подозреваемого, свидетеля в порядке ст. 179 УПК РСФСР либо вместо протоколов следственного эксперимента;
- медицинские справки об осмотре обвиняемых, подозреваемых, потерпевших и свидетелей - вместо протокола медицинского освидетельствования в порядке ст. 181 УПК РСФСР;

чистосердечные признания - вместо собственноручной записи обвиняемым своих показаний в порядке ст. 152 УПК РСФСР.

2. К другим типичным нарушениям, порядка и условий производства следственных действий, влекущим признание доказательств недопустимыми, Львова Е.В. относит:

- производство предварительного следствия без возбуждения уголовного дела (ст. 112, 129 УПК РСФСР);
- производство следственных действий после прекращения уголовного дела, его приостановления либо направления прокурору с обвинительным заключением (ст. 199, 208, 195, 207 УПК РСФСР);
- отсутствие санкции прокурора на соответствующие следственные действия либо отсутствие безотлагательности, дающей возможность следственным органам произвести следственные действия без санкции, с последующим извещением прокурора (ст. 168, 172 УПК РСФСР);
- демонстрация опознающему перед опознанием опознаваемого либо его фотографии; использование при опознании статистов, внешне не похожих на опознаваемого (ст. 165 УПК РСФСР), или подмена процедуры опознания предъявлением фотографии опознаваемого во время допроса;
- наличие в протоколе следственного действия изменений, дополнений, исправлений, не оговоренных составителем протокола и не удостоверенных подписями всех участников следственного действия (ч. 4 ст. 102, ч. 5 ст. 151 УПК РСФСР).
- нарушение правил участия понятых при производстве следственных действий (ст. 135 УПК РСФСР) выразившееся в привлечении к участию в следственном действии работников канцелярии прокуратуры.

Данный перечень не исчерпывает всех нарушений уголовно-процессуального законодательства, влекущих исключение протоколов следственных действий из системы доказательств, однако дает представление об общей тенденции ужесточения предъявляемых судами требований к обеспечению допустимости доказательств. Это обстоятельство должно нацеливать следователей на неукоснительное выполнение предусмотренной законом процедуры, определяющей порядок проведения следственных действий и фиксации их результатов.

Актуальным представляется вопрос об устранении допущенных нарушений еще на стадии предварительного следствия.

В той же связи можно сказать о допросе, как о важном инструменте устранения существенных и иных нарушений уголовно- процессуального закона в досудебных стадиях уголовного процесса, допущенных при производстве следственных действий.

Долгое время в юридической науке и практике господствовала система классификации процессуальных нарушений, основанная на их делении на существенные и не обладающие таким свойством.

В соответствии со ст.345 УПК существенными должны признаваться такие нарушения процессуального закона, которые привели к лишению или стеснению гарантированных законом прав участников процесса или иным путем повлияли или могли повлиять на всесторонность, полноту и объективность исследования обстоятельств дела.

С точки зрения оценки допустимости доказательств такая классификация с принятием Конституции в определенной мере утратила свое значение, так как нельзя при наличии принципиально новой нормы закона (ст. 50.2 Конституции РФ), пытаться втиснуть в ее рамки классификацию нарушений как бы, отвечающую требованиям ч.1 ст. 345 УПК РСФСР (что в зависимости от конкретных обстоятельств дела то или иное процессуальное нарушение будет признано существенным или несущественным).

По сути все нарушения закона при собирании и закреплении доказательств должны признаваться существенными.

Поэтому более правильно разграничивать нарушения на восполнимые и невосполнимые.

В тоже время нельзя сбрасывать со счетов классификацию нарушений на существенные и несущественные особенно в свете решения Постановления Пленума Верховного Суда от 8 декабря 1999г. № 84 "О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел для дополнительного расследования" в соответствии с которым дело подлежит возвращению для производства дополнительного расследования, если, в частности:

- допущено нарушение требований статьи 126 УПК РСФСР, т.е. вместо предварительного следствия проведено дознание;
- предварительное следствие проведено по материалам, выделенным из другого дела в отдельное производство в отношении иного лица по новому обвинению, без возбуждения уголовного дела;
- при предъявлении обвинения допущены нарушения требований статьи 144 УПК РСФСР (не указаны статья УК, часть или пункт статьи, конкретные действия обвиняемого, либо при совершении нескольких преступлений не дана правовая оценка каждому из них и др.);
- формулировка обвинения, данная в обвинительном заключении, существенно отличается от предъявленного обвинения;
- обвинительное заключение не утверждено соответствующим прокурором, кроме случая составления обвинительного заключения прокурором;
- предварительное расследование произведено лицом, не уполномоченным на то законом либо подлежащим отводу;
- нарушено требование ст. 49 УПК РСФСР об обязательном участии защитника в процессе дознания или предварительного следствия;
- обвиняемому, не владеющему языком, на котором ведется судопроизводство, не предоставлен переводчик;
- нарушен срок предварительного расследования;

- вопреки закону участники процесса (обвиняемый, защитник, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители) не ознакомлены со всеми материалами дела.

Следует однако иметь ввиду, что с указанным нарушениями связывает направление дел для производства дополнительного расследования по основанию, предусмотренному п.2 ч.1 ст.232 УПК. Для признания же доказательства недопустимым существует гораздо более широкий круг оснований.

Говоря о возможности устранения нарушений закона, допущенных при производстве следственных действий следует отметить, что далеко не все из них могут быть исправлены. Представляется, что Верховный суд в постановлении Пленума от 31.10.95г. дал достаточно полный перечень таких нарушений.

При этом только применительно к четвертому, критерию допустимости, сформулированному Пленумом Верховного Суда (надлежащий порядок проведения процессуального действия, используемого как средство получения доказательств), в некоторых случаях можно ставить вопрос об устранении, нейтрализации, восполнении) нарушений процессуальной формы. Если в этих случаях первые три критерия допустимости соблюдены, а недостатки четвертого устранены путем проведения, дополнительных процессуальных действий, в результате, которых были получены фактические данные, устранившие возникшее сомнение в достоверности первоначальных фактических данных, то можно признать первоначальные фактические данные в совокупности с фактическими данными, устраняющими сомнение, в их достоверности, отвечающими требованию допустимости

Некоторые нарушения норм закона, влияющие на допустимость дальнейшего использования доказательств могут быть устранены по письменному указанию прокурора и начальника следственного отдела о проведении следственных действий, возвращении дела для производства дополнительного расследования, передаче прокурором дела от одного следователя к другому или от органа дознания следователю, а также в процессе личного участия прокурора в производстве допросов и других следственных действий.

Очевидно, что отмеченные поводы устранения нарушений уголовно-процессуального закона реализуются в основном при производстве повторных допросов при условии тщательного соблюдения их процедуры. Причем допрос зачастую является средством проверки достоверности информации, содержащейся в оформленных с грубым нарушением норм закона протоколах других следственных действий и в основном тех из них, которые повторно уже невозможно воспроизвести (опознание, в ряде случаев осмотр, обыск, выемка). Следует, однако, отметить, что даже возможности допроса в качестве средства проверки допустимости доказательств могут быть ограничены.

Как нам представляется, прав Н.М.Кипнис, когда утверждает, что допрос понятого в качестве свидетеля об обстоятельствах производства следственного действия допустим, но показания такого свидетеля не во всех случаях могут заменить протокол следственного действия. Если не выяснить у понятого, присутствовавшего, например, при производстве осмотра места происшествия, причину отсутствия его подписи в протоколе, то вещественные доказательства, изъятые в ходе осмотра, и полученное на их основе заключение эксперта следует признать недопустимыми, так как их появлению в материалах дела предшествовал протокол осмотра, а он, ввиду невозможности устранить сомнения в его достоверности (не выяснена причина отсутствия подписи), будет признан недопустимым и исключен из совокупности доказательств по делу.

Возможности прокурора по устранению допущенных нарушений при производстве следственных действий можно проиллюстрировать на следующем примере.

Прокуратурой Свердловской области расследовалось уголовное дело по факту разбойного нападения на гражданина К.

Потерпевшим были получены тяжкие телесные повреждения и он находился на излечении в больнице. Несколько дней подряд к нему приходил следователь и в течении 10-15 минут допрашивал по обстоятельствам происшедшего. Протокол допроса следователь не вел, рассчитывая оформить его позднее по материалам видеозаписи допроса, которую производил специально приглашенный специалист.

Этим планам следователя не суждено было сбыться - К. был похищен из лечебного учреждения преступниками и убит. В распоряжении следствия осталась видеокассета, процессуальный статус которой - приложение к протоколу допроса (которого нет).

Прокурор, надзирающий за расследованием принял единственно правильное решение в складывающейся ситуации о передаче дела другому следователю, даны письменные указания о допросе следователя, производившего допрос, специалиста, выполнявшего видеозапись, лечащего врача, осмотре видеокассеты, приобщению ее к материалам дела в качестве вещественного доказательства, проведении по делу видеофоноскопической экспертизы на предмет установления подлинности видеозаписи.

К сказанному следует добавить, что в информационном письме Генеральной прокуратуры "О некоторых из возможных причин провозглашения коллегией присяжных заседателей оправдательных вердиктов по делам об убийствах и других тяжких преступлениях" № 12/5-99 от 18.06.99 были проанализированы недостатки надзора, с которыми связано провозглашение оправдательных вердиктов. Так, по большинству дел прокуроры не воспользовались, предоставленными законом полномочиями о чем свидетельствует следующее:

— лишь по делам в отношении 4% оправданных прокуроры давали письменные указания о расследовании преступлений, производстве отдельных следственных действий;

— лишь по делам в отношении 6 % оправданных прокуроры участвовали в производстве предварительного следствия и производили отдельные следственные действия;

— лишь по делам в отношении 16 % оправданных прокуроры возвращали уголовные дела следователям со своими указаниями о производстве дополнительного расследования и лишь в одном случае прокурор возвратил дело со своими письменными указаниями следователю для пересоставления обвинительного заключения.

Ни по одному из дел прокуроры не использовали следующие полномочия, имеющие важное значение для создания процессуальных предпосылок эффективного поддержания обвинения, а именно:

— не отменяли незаконные и необоснованные постановления следователей и лиц, производящих дознание;

— не отстраняли лиц, производящих дознание, или следователя от дальнейшего ведения дознания или предварительного следствия, если ими допущено нарушение закона при расследовании дела;

— не составляли нового обвинительного заключения с изъятием и возвращением органу дознания или следователю ранее составленного обвинительного заключения;

— не изменяли обвинение путем исключения из обвинительного заключения отдельных пунктов обвинения, а также путем применения закона о менее тяжком преступлении;

- не изменяли обвинение на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от первоначального обвинения с возвращением дела следователю для предъявления нового обвинения.

Вследствие этого не исправлялись те нарушения конституционных установлений и уголовно-процессуального закона, которые в итоге порождают недоверие к собранным доказательствам, а значит, и к обоснованности предъявленного обвинения, что, в свою очередь, в соответствии с положениями, вытекающими из презумпции невиновности, создает предпосылки для оправдательных вердиктов.

Определенным пробелом в законодательстве является вопрос о "технологии" исключения прокурором того или иного доказательства из системы доказательств по делу как недопустимого.

Представляется, что в качестве такого документа должно выступать постановление прокурора, вынесенное на основании ст.69, 71 и 211 УПК.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что обеспечение прокурором законности при осуществлении надзора за производством следственных действий представляет собой самостоятельную и достаточно сложную задачу, связанную с обеспечением относимости, допустимости и достоверности доказательств на всех этапах процесса доказывания (собираания, закрепления, проверки и оценки доказательств).

Успешное ее решение возможно лишь при условии понимания сущности следственных действий и закономерностей свойственных их системе. Кроме того, прокурор, являясь субъектом доказывания по делу, должен активно использовать не только формы и методы надзора, направленные на выявление допущенных при расследовании нарушений закона, но и нацеленные на активное познание обстоятельств расследуемого события, оказание при этом помощи следователю (в частности, участие при производстве отдельных следственных действий, личное их проведение).

Учитывая проявившиеся в последнее время в судебной практике тенденции к ужесточению требований к допустимости доказательств, прокурорам следует принять необходимые меры к тому, чтобы надзор за расследованием каждого уголовного дела был ощутим уже при производстве первоначальных следственных действий (осмотр места происшествия, допрос, обыск и др.) поскольку недочеты, упущения и нарушения закона, допущенные при их проведении могут впоследствии привести к исключению соответствующих протоколов, а также протоколов иных следственных действий, выполненных по результатам первоначальных, из системы доказательств по делу. Прокурорам следует самым тщательным образом проверять исполнение требований закона, гарантирующих право подозреваемого (обвиняемого) на защиту. При выявлении соответствующих нарушений следует незамедлительно на них реагировать и принимать меры к восстановлению нарушенных прав соответствующих участников процесса. При направлении дел в суд прокурорам следует самым внимательным образом изучать прилагаемые к ним аудио- и видеоматериалы с фиксацией хода и результатов следственных действий, т.к. так как по таким материалам можно обнаружить значительное число ошибок и нарушений закона, допущенных при производстве следственных действий, не отслеживаемых по протоколам.

В целях обеспечения объективизации доказывания прокурорам надлежит добиваться более активного привлечения к участию в следственных действиях для выяснения обстоятельств расследуемого события сведущих лиц, в особенности специалистов. Участвуя в следственном действии, специалист, используя свои знания и навыки, содействует следствию в обнаружении, изъятии и закреплении доказательств, он может дать нужные советы относительно выдвижения следственных версий, их проверки и применении при этом технических средств и т.д.

Для устранения недостатков, допущенных следователями, прокурорам следует активнее использовать свое право направления дел для производства дополнительного расследования со своими письменными указаниями, в том числе и с передачей дела другому следователю.

II. Надзор прокурора за обеспечением прав человека и гражданина при собирании и закреплении доказательств.

1. Защита прокурором прав участников процесса - важное условие обеспечения допустимости доказательств

К участникам процесса уголовно-процессуальный закон относит обвиняемого, подозреваемого, их защитников и законных представителей, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей, законных представителей.

Несмотря на то, что круг участников процесса четко определен законом, в науке существует точка зрения, согласно которой участниками процесса признаются все участвующие в уголовном процессе субъекты.

В настоящей же работе рассматриваются вопросы прокурорского надзора за соблюдением прав участников процесса, названных в главе 3 УПК.

Подозреваемым признается лицо,

- 1) лицо, в отношении которого на основаниях и в порядке, установленных настоящим Кодексом, возбуждено уголовное дело; (п. 1 введен Федеральным законом от 20.03.2001 N 26-ФЗ)
- 2) лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления;
- 3) лицо, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения (ст. 52 УПК РСФСР).

Методика прокурорского надзора за соблюдением прав подозреваемого включает выяснение следующих вопросов:

- Разъяснена ли подозреваемому сущность возникших подозрений;
- Реализовано ли право подозреваемого представлять доказательства; заявлять ходатайства;
- Предоставлялось ли подозреваемому реальное право иметь защитника с момента фактического задержания лица или применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу до предъявления обвинения.

- Соблюдено ли право подозреваемого иметь с защитником свидания наедине без ограничения их количества и продолжительности; участвовать в допросе, а также иных следственных действиях, производимых с участием подозреваемого знакомиться с соответствующими протоколами следственных действий
- При проверке законности задержания в порядке ст.122 УПК и материалов, послужившими поводами для применения данной меры процессуального принуждения прокурор должен обратить внимание на следующие вопросы:
 - Было ли возбуждено уголовное дело к моменту принятия решения о задержании;
 - Произведено ли задержание компетентным органом;
 - Имелись ли предусмотренные законом основания и мотивы задержания;
 - Соблюден ли процессуальный порядок задержания;
 - При проверке процессуальной форму протокола задержания прокурор проверяет:
 - Указаны ли в протоколе место и время задержания, должность, звание, фамилия лица, составившего протокол, фамилия, имя, отчество подозреваемого, его адрес, место работы, занимаемая должность, документ, удостоверяющий личность;
 - Указаны ли в протоколе основания и мотивы задержания, квалификация преступления, в совершении которого подозревается лицо;
 - Подписан ли протокол составившим его должностным лицом, утвержден ли начальником органа дознания, подписан ли протокол задержанным;
 - Разъяснено ли подозреваемому право делать замечания, подлежащие обязательному занесению в протокол;
 - Имеется ли в протоколе отметка лица, производившего задержание о причинах отказа задержанного подписать протокол и дать объяснения о причинах отказа.

Обвиняемым по делу признается лицо после вынесения следователем мотивированного постановления о привлечении его к уголовной ответственности (ст.46 УПК).

Осуществляя надзор за соблюдением прав обвиняемого в ходе предварительного расследования, прокурор должен выяснить следующие вопросы:

- Достаточно ли четко изложены обстоятельства совершения преступления вменяемого в вину (указаны ли в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого время, место, способ, мотивы, цели совершения преступления);
- Присутствуют ли в описательной и резолютивной части постановления ссылки на все квалифицирующие признаки вменяемого в вину преступления;
- Присутствует ли в постановлении описание действий каждого из соучастников при совершении преступления группой лиц;
- Полностью ли указано в постановлении содержание уголовного закона (статья, часть, пункт), по которому квалифицируются действия обвиняемого;
- Вынесено ли постановление уполномоченным на то лицом;
- Основано ли обвинение на доказательствах, являющихся допустимыми;
- Соответствует ли квалификация преступления вменяемому деянию;
- Своевременно ли предъявлено обвинение;
- Обеспечено ли следователем право обвиняемого, не владеющего языком, на котором ведется производство предварительного расследования, пользоваться услугами переводчика с отнесением расходов за счет государства;
- Своевременно ли ознакомлен обвиняемый с постановлением о назначении экспертизы и с заключением эксперта;
- Имеются ли в материалах дела данные, свидетельствующие об оказании на обвиняемого (подозреваемого) незаконных мер воздействия. Насколько тщательно проведена их проверка;

- Выполнено ли требование Пленума ВС о реальном предоставлении обвиняемому защитника;
- Все ли предусмотренные законом права разъяснены обвиняемому перед окончанием предварительного расследования;
- Имело ли место необоснованное ограничение обвиняемого во времени ознакомления с материалами уголовного дела.

В качестве защитников на стадии предварительного следствия в соответствии со ст.47 УПК и Постановлением Конституционного Суда РФ № 2 П от 28 января 1997г. "По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В.Антипова, Р.Л.Гитиса и С.В.Абрамова" допускаются адвокат, по предъявлении им ордера юридической консультации.

Конституционным судом, однако, поставлена под сомнение возможность для подозреваемого или обвиняемого выбирать в качестве защитника любое лицо, поскольку конституционное требование о праве граждан на получение квалифицированной юридической помощи не во всех случаях может быть реализовано. В частности, в случаях, когда защитником на предварительном следствии является не адвокат, а представитель профсоюза или другого общественного объединения. В этой связи в письме Генеральной прокуратуры РФ № 36/391-00 от 18.05.2000 "О порядке допуска членов общественных организаций в качестве защитников на предварительном следствии" справедливо подчеркивается, что участие в качестве защитника в ходе предварительного расследования любого лица по выбору подозреваемого может привести к тому, что защитником окажется лицо, не обладающее необходимыми профессиональными навыками, что несовместимо с задачами правосудия и обязанностью государства гарантировать каждому квалифицированную юридическую помощь.

Именно поэтому Верховный Суд Российской Федерации в постановлениях по конкретным уголовным делам обращает внимание на то, что защиту интересов обвиняемого (подозреваемого) на предварительном следствии могут осуществлять только члены коллегий адвокатов. На этом основании Верховный Суд РФ сформировал правоприменительную практику, в соответствии с которой суды оценивают допуск к защите на стадии дознания и предварительного следствия лиц, не являющихся членами коллегий адвокатов, в том числе и представителей профсоюзов и общественных объединений, как нарушение прав обвиняемых и подозреваемых на защиту.

Судебной практике, однако известны случаи, когда участие общественного защитника в деле на стадии предварительного следствия признавалось законным и обоснованным.

Президиум Тверского областного суда постановлением от 22.12.2000г. удовлетворил протест прокурора Тверской области на определение Калининского районного суда от 24.11.2000, которым уголовное дело по обвинению Конфеткиной Н.А., Глебова С.А., Балашова А.А. по ст.ст. 162 ч.2 УК РФ направлено на дополнительное расследование. В протесте ставился под сомнение вывод суда первой инстанции о том, что Конфеткиной была оказана неквалифицированная юридическая помощь т.к. она осуществлялась защитником общественной организации а не адвокатом юридической консультации.

В обоснование принятого решения областной суд отметил, что согласно ч.2 ст.46 Конституции РФ каждый обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента предъявления обвинения.

В соответствии с ч.4 ст.47 УПК РСФСР в качестве защитников на предварительном следствии допускаются: адвокат по предъявлении им ордера юридической консультации, представитель профессионального союза или другого общественного объединения являющийся защитником, по предъявлении им соответствующего протокола, а так же документа, удостоверяющего его личность.

Из материалов данного уголовного дела видно, что защиту прав несовершеннолетней Конфеткиной на предварительном следствии осуществляла Павлова Т.Е. - начальник, юридического отдела общественного объединения - межрегионального общественного фонда "Национальный фонд социального и экономического развития, одним из направлений деятельности которого, согласно Устава является оказание юридической помощи гражданам.

К участию в деле органами предварительного следствия она была допущена после предъявления ею доверенности и протокола заседания Совета межрегионального общественного фонда "Национальный фонд социального и экономического развития от 09.11.99г., из которых следует, что Павлова Т.Е. является защитником указанного объединения, и что и Советом данной организации ей поручено представлять интересы Конфеткиной в ходе предварительного следствия по этому уголовному делу

С учетом указанных обстоятельств, а так же профессионального статуса Павловой Т.Е. в дайной общественной организации, вывод суда о некавалифицированной юридической помощи оказанной Конфеткиной на предварительном следствии, несостоятелен. Ссылка же суда на практику по конкретному уголовному делу, изложенную в бюллетене Верховного Суда РФ является неуместной.

Проверяя исполнение требований закона, регламентирующих права защитника на предварительном следствии, прокурор должен обеспечить выполнение требований названного выше Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 31 октября 1995г.

Верховный Суд, в частности указал, что на основании ст. 50 УПК РСФСР обвиняемый вправе в любой момент производства по делу отказаться от защитника, однако такой отказ не должен быть вынужденным и может быть принят лишь при наличии *реальной возможности участия защитника в деле.*

В постановлении также подчеркивается, что в соответствии с ч. 2 ст. 48 Конституции Российской Федерации и на основании ст. 47 УПК РСФСР каждый задержанный, заключенный под стражу имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента объявления ему протокола задержания или постановления о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, а каждый обвиняемый в силу указанной конституционной нормы и на основании ст. 46 УПК РСФСР имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента предъявления обвинения. При нарушении этого конституционного права все показания задержанного, заключенного под стражу, обвиняемого и результаты следственных действий, проведенных с его участием, должны рассматриваться судом как доказательства, полученные с нарушением закона.

Говоря об участии адвоката (защитника) в досудебных стадиях уголовного процесса, нельзя обойти вниманием Постановление Конституционного суда РФ от 27 июня 2000г. № 11-П "По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР" в связи с жалобой гражданина Маслова В.И."

Указанным решением ч.1 ст.47 УПК признана несоответствующей Конституции РФ, ее статьям 17, 21, 22, 48, 55, которые по их буквальному смыслу предоставляют лицу, подозреваемому в совершении преступления, право пользоваться помощью защитника лишь с момента объявления ему протокола задержания либо постановления о применении до предъявления обвинения меры пресечения в виде заключения под стражу и, следовательно, ограничивают право каждого на досудебных стадиях уголовного судопроизводства пользоваться помощью адвоката (защитника) во всех случаях, когда его права и свободы существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, связанными с *уголовным преследованием.*

В описательной части постановления Конституционный суд специально остановился на конкретизации положения о том, какие действия, предпринимаемые в отношении гражданина следует **считать уголовным преследованием**, в частности указав, что факт уголовного преследования и, следовательно, направленная в отношении конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться **актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него (в частности, разъяснением ст.51 Конституции РФ)**.

Оценивая вышеназванное постановление с точки зрения задач прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия, следует отметить необходимость разъяснения следователями каждому свидетелю права на получение квалифицированной юридической помощи при проведении с ним допросов и иных следственных действий, в той или иной мере, связанных с дачей показаний (прежде всего допрос, обыск, опознание).

Потерпевшим признается лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред. По делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть потерпевшего, правопреемником такового признаются его близкие родственники (ст.53 УПК).

Представляется, что методика прокурорского надзора за исполнением органами предварительного расследования законов о правах и законных интересах потерпевших и их представителей должна включать выяснение следующих вопросов:

Правильно ли определены по материалам дела лица, подлежащие признанию потерпевшими;

Соответствуют ли закону и своевременно ли оформлены процессуальные решения о признании лиц потерпевшими; надлежаще ли оформлено участие в деле их представителей; разъяснены ли потерпевшему и его представителю их права.

Гражданским истцом признается гражданин, предприятие, учреждение, понесшие материальный вред от преступления и предъявившие требование о его возмещении (ст.54 УПК).

Проверка допустимости доказательств, собранных в обеспечение гражданского иска предполагает выяснение следующих вопросов:

- Соответствуют ли закону и своевременно ли оформлены процессуальные решения о признании лиц гражданскими истцами;
- Разъяснены ли гражданскому истцу его права;
- Имеется ли в деле заявление физического или юридического лица, содержащее просьбу о возмещении ущерба;
- Соответствует ли установленный в ходе расследования размер ущерба реальным материальным потерям гражданского истца;
- Соответствуют ли закону меры принятые по обеспечению предъявленного или возможного в будущем гражданского иска;
- Соответствуют ли закону меры принятые органами предварительного расследования для розыска похищенного;

- Имеется ли в материалах дела протокол, в котором зафиксирован отказ гражданского истца (потерпевшего) знакомиться с материалами дела по окончании расследования (на практике получила распространение порочная практика отобрания у потерпевшего, гражданского истца еще в самом начале расследования расписки о нежелании знакомиться с материалами дела по его окончании).
- Своевременно ли направлено потерпевшему (гражданскому истцу) уведомление об окончании расследования;
- Соответствует ли фактически затраченное потерпевшим, гражданским истцом время на ознакомление с материалами уголовного дела его объему.

В качестве гражданских ответчиков могут быть привлечены родители, опекуны, попечители или другие лица, а также предприятия, учреждения и организации, которые в силу закона несут материальную ответственность за ущерб, причиненный преступными действиями обвиняемого (ст.55 УПК).

Особенность процессуального положения гражданского ответчика состоит в том, что он никакого преступления не совершал, к нему не причастен, но тем не менее вынужден нести материальную ответственность за преступные действия обвиняемого.

Указанным обстоятельством и обусловлена в определенной мере специфика прокурорского надзора за соблюдением прав физических и юридических лиц, привлеченных по делу в качестве гражданских ответчиков.

С точки зрения обеспечения прокурором допустимости доказательств это означает прежде всего привлечение в качестве гражданского ответчика по делу надлежащего лица.

Так, в соответствии с нормами гражданского законодательства, по делам об общественно-опасных деяниях несовершеннолетних не достигших 14 лет, в качестве гражданских ответчиков могут быть привлечены их родители, опекуны и попечители, а также учебное заведение, воспитательное или лечебное учреждение под надзором которых состоял несовершеннолетний, родители, попечители несовершеннолетних, совершивших преступления в возрасте от 14 до 18 лет, когда у последних нет имущества или заработка, достаточных для возмещения вреда; организации или граждане- владельцы источников повышенной опасности, например, автотранспорта, если они не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего; организации, ответственные за вред, причиненный по вине их сотрудников при исполнении ими служебных обязанностей.(ст.1064, 1068, 1069, 1073, 1074, 1078, 1079 ГК РФ).

Очевидно, что в случае привлечения по делу ненадлежащего гражданского ответчика все материалы дела, обосновывающие вывод следствия о необходимости для данного лица загладить причиненный преступником вред могут быть признаны недопустимыми, как ущемляющие права и свободы граждан.

Кроме того, изучая материалы дела прокурор помимо проверки соблюдения прав гражданского ответчика и его представителя (ст.55, 56 УПК), во всех случаях должен выяснять:

- Соответствует ли требованиям закона постановление о привлечении в качестве гражданского ответчика, разъяснены ли такому лицу его права;
- соответствует ли сумма иска реальному размеру причиненного преступлением ущерба;

- не было ли лицо стеснено в правах, например реализовать право возражать против предъявленного иска из-за несвоевременного вынесения решения о признании гражданским ответчиком;
- соответствуют ли закону меры принятые в целях обеспечения гражданского иска.

2. Проблемы государственной защиты лиц, содействующих решению задач уголовного судопроизводства.

Одним из важнейших факторов, влияющих на достоверность показаний, является государственная гарантия неприкосновенности личности, вовлеченной в орбиту уголовного судопроизводства.

Международная практика борьбы с преступностью, в особенности с ее организованными формами, свидетельствует, что наибольших успехов в этом направлении добиваются государства, в которых создана правовая база защиты потерпевших и свидетелей от различных противоборствующих расследованию лиц и групп.

В 1970 году Конгресс США принял закон "О контроле за организованной преступностью". Титул Y этого закона наделял Генерального прокурора США правом выделять средства на защиту свидетелей по делам, связанным с организованной преступностью.

Крупной вехой в развитии международного законодательства о защите свидетелей стало принятие 29 ноября 1985 года Генеральной Ассамблеи ООН Декларации об основных принципах правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью. ООН потребовала от государств принятия мер для охраны их личной жизни в тех случаях, когда это необходимо, и обеспечения их безопасности, а также безопасности их семей от запугивания и мести.

Последующее события показали, что правительства и законодательные органы Австралии, Японии, большинства стран Западной Европы, Латинской Америки и Африки, серьезно реформировали свои правовые системы и практику обращения с жертвами преступлений.

В России, к сожалению, закон о защите лиц, содействующих решению задач уголовного судопроизводства до настоящего времени не принят.

Федеральный закон позволил бы повысить существенным образом качество и доказательственное значение свидетельских показаний за счет устранения одной из главных причин лжесвидетельства - боязни мести со стороны лиц, совершивших преступление, и их окружения, и не замедлило бы, в свою очередь, отразиться как на основных показателях работы правоохранительных органов, так и снижении остроты криминогенной обстановки в обществе.

Реальная же ситуация вокруг принятия такого закона складывается весьма непросто. Впервые проект закона "О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству" был принят Государственной Думой в декабре 1994г. В январе 1995г. закон был отклонен Президентом и направлен в Государственную Думу для повторного рассмотрения. В июле 1995г. закон был вновь принят Госдумой, но на этот раз его отклонил Совет федерации. Наконец, в мае 1997 года закон был принят Госдумой в третий раз и после одобрения его Советом Федерации направлен Президенту для подписания и обнародования. Однако и в этот раз Президент России воспользовался своим правом вето.

По мнению Президента, статья 6 законопроекта проекта, допускающая сохранение в тайне сведений о потерпевшем и свидетеле, присвоение им псевдонимов, допрос в судебном заседании потерпевшего, свидетеля в отсутствие подсудимого и его защитника, предъявление для опознания подозреваемого или обвиняемого скрытно от опознаваемого, вступает в прямое противоречие с принятыми Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларацией прав человека (10 декабря 1948г.), Международным пактом о гражданских и политических правах, (16 декабря 1966г.), в которых устанавливается, что каждый человек для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения имеет право на основе полного равенства на рассмотрение его дела гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом, а также право подсудимого допрашивать показывающих против него свидетелей.

Не последнюю роль в судьбе законопроекта сыграло и заключение Правительства Российской Федерации, в соответствии с которым предполагаемые дополнительные расходы, связанные с реализацией анализируемого законопроекта составят более 1,4 трлн. рублей в год.

Термин “анонимность” в буквальном смысле означает что-то без указания имени автора. Применительно к уголовному процессу, *анонимность свидетелей, на наш взгляд, собирательное понятие, определяющее основанную на законе процедуру сохранения в тайне каких-либо сведений о личности свидетеля, получения показаний, исключаящую либо существенно уменьшающую возможность оказания на свидетеля неправомерного воздействия со стороны заинтересованных в исходе дела лиц, противодействующих правосудию.*

Институт анонимных свидетелей, как и институт защиты свидетелей, в международной и зарубежной практике правосудия не нов.

В соответствии со ст.14 “Международного пакта о гражданских и политических правах” от 16 декабря 1966г. публика может не допускаться на судебное разбирательство, когда этого требуют интересы сторон.

Решением Европейского суда по правам человека в Страсбурге признано, что использование сведений, “представленных анонимными свидетелями в качестве доказательств на этапе досудебного расследования”, согласуется с положениями Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950г. Следует отметить, что решения Европейского суда и Европейской комиссии по правам человека являются обязательными для государств—членов Совета Европы. Решениями Европейского суда и Европейской комиссии по правам человека подтверждено, что “обвинение” не обязано уведомлять обвиняемого “о всех доказательствах, которые оно намерено предоставить суду”. Так, в деле “Хаасе против Федеративной Республики Германии” Европейская комиссия установила, что ограничения на ознакомление обвиняемого с частью материалов предварительного следствия “были оправданными с точки зрения соблюдения интересов национальной безопасности”.

Законодательством США, Дании, Франции и других стран предусматриваются меры по сохранению в тайне данных о личности.

Из приведенного краткого анализа можно сделать вывод о том, что проблема государственной защиты свидетелей в условиях противодействия правосудию признается крайне важной и актуальной во всем мире, хотя разные государства по своему определяют приоритетные направления развития законодательства в этой сфере.

Очевидно, что проблема нормативного определения института анонимных свидетелей в России, как и в других государствах, во многом связана как с решением вопроса об обеспечении разумного баланса прав обвиняемого (подсудимого), с одной стороны, и свидетеля, потерпевшего- с другой, так и с закреплением в законе всего комплекса гарантий законности применения соответствующих правовых ограничений органами следствия, прокуратуры и суда.

Следует признать, что действительно некоторые положения ст.6 анализируемого законопроекта ограничивают права обвиняемого и его защитника на ознакомление с материалами дела. Но нужно учитывать, что ограничение это касается не содержания самих показаний, а только сведений о лице, давшем показания. К тому же это изъятие вынужденное, и применяться оно должно в исключительных случаях и в порядке, установленном законом.

Приведенный выше анализ международных правовых актов, действующих в сфере обеспечения прав участников процесса, опыта других государств свидетельствует о допустимости такого ограничения права обвиняемого и его защитника. Кроме того, следует учитывать и то обстоятельство, что институт защиты свидетелей в России, в определенной мере на практике уже работает. Приняты соответствующие нормативные акты в Москве и Башкортостане, некоторых других регионах. Нарботана судебная практика. В такой ситуации очевидно, что отсутствие в УПК норм, регламентирующих на федеральном уровне анализируемое ограничение, только усугубляет давно назревшую проблему.

Весьма своевременной представляется инициатива Главной военной прокуратуры, наметившей решением коллегии от 11 марта 1999г. реализацию комплекса мероприятий по защите свидетелей и потерпевших. К наиболее важным их них следует отнести:

- перевод защищаемых военнослужащих на новое место службы;
- обеспечение личной охраны защищаемым;
- отстранение командованием от должности военнослужащих, в отношении которых возбуждено уголовное дело и подозреваемых в случаях, когда соответствующие лица являются начальниками свидетелей и потерпевших;
- согласование с представителями военных судов вопроса о возможности не указывать в протоколах следственных действий адресов и других сведений о личности потерпевшего, свидетеля; не приводить в процессуальных актах следствия сведений о лицах, содействующих правосудию, в частности, при продлении процессуальных сроков их показания излагать в справках, прилагаемых к соответствующим постановлениям; предъявления для опознания в условиях, когда опознаваемый не видит опознающего;
- принятие мер к привлечению в качестве понятых граждан, не имеющих реальной возможности (в силу места жительства, службы или работы) распространять сведения о расследуемом преступлении и лицах, содействующих правосудию;
- заявление государственными обвинителями в суде ходатайств: о неоглашении в судебном заседании данных о местах проживания потерпевших и свидетелей при установлении личности последних; о проведении в необходимых случаях закрытого судебного заседания, когда процесс сопряжен с угрозой безопасности его участников; об удалении подсудимых из зала, когда допрашиваются защищаемые лица.

Конечно, предлагаемые коллегией Главной военной прокуратуры во многом носят рекомендательный характер и, к сожалению, не во всех случаях основаны на нормах УПК.

Говоря о судебной практике, нельзя обойти вниманием очень важное, с точки зрения становления в нашей стране института защиты свидетелей, постановление Президиума Верховного Суда РФ от 26.09.96г. по уголовному делу Комарова, Кошеева, Храмцова, Недбаевского, обвинявшихся в бандитизме, вымогательстве, похищении людей, а также других тяжких преступлений против личности.

Указанным постановлением было отменено определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, направившей дело на новое рассмотрение в Кировский областной суд.

Как указано в Постановлении Президиума Верховного Суда РФ, в ходе предварительного следствия по данному делу потерпевшим и ряду свидетелей со стороны обвиняемых высказывались угрозы расправой, в связи с чем суд принял ряд мер безопасности, направленных на защиту потерпевших и свидетелей, на возможность рассмотрения дела по существу и установления по нему истины. Данные обстоятельства кассационной инстанцией были учтены не в полной мере, что повлияло на правильность принятого ею решения.

Ссылка в определении на нарушение судом ст. 237 УПК, выразившееся в неознакомлении подсудимых с приложением к обвинительному заключению, сделана без надлежащего анализа следующих требований закона.

Так, согласно ст.205 УПК, обвинительное заключение является документом, где изложена суть обвинения и приведены доказательства, подтверждающие обвинение. Что касается приложения к обвинительному заключению, названному в ст. 206 УПК, то в законе не содержится специального указания о его вручении подсудимому. Более того, список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, составляется лишь с учетом мнения следователя и не является обязательным для суда, который в соответствии со ст. 228 УПК сам решает вопрос о лицах, подлежащих вызову в судебное заседание.

Как следует из текста обвинительного заключения, в нем приведены доказательства, содержатся показания всех свидетелей с указанием их фамилий.

Вывод Судебной коллегии Верховного Суда РФ о несоблюдении судом ст. 18 УПК РСФСР (нарушение принципа гласности) был сделан без учета норм Конституции Российской Федерации и международных пактов.

Как видно из постановления суда, дело назначено к слушанию в открытом судебном заседании. Однако в суд явились лишь двое потерпевших из 17, остальные не явились из-за угроз со стороны обвиняемых и их знакомых. Поэтому в интересах потерпевших и свидетелей и в целях обеспечения их безопасности судебная коллегия областного суда приняла решение о рассмотрении данного уголовного дела в закрытом судебном заседании.

Такое решение суда не противоречит Конституции Российской Федерации и международным пактам, поскольку оно обеспечивает возможность получения от потерпевших и свидетелей правдивых показаний в условиях отсутствия угрозы их жизни и здоровью, а также установления истины по делу.

Согласно ст.52 Конституции Российской Федерации, права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. При этом из ст.15 Конституции Российской Федерации усматривается, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

В соответствии со ст.14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. публика может не допускаться на судебное разбирательство, когда этого требуют интересы сторон.

Как видно из материалов дела, разбирательство в заседании суда первой инстанции происходило с участием подсудимых, как это и предусмотрено ст.246 УПК, на которую имеется ссылка в определении. Никакого заочного рассмотрения дела допущено не было.

Действительно, применительно к ст. 285 УПК подсудимые с согласия всех участников процесса удалялись из зала судебного заседания при допросе потерпевшего Михеева, свидетеля К. и др., однако это было сделано в целях обеспечения безопасности названных лиц, и их допрос производился в присутствии адвокатов подсудимых.

После допроса данных участников процесса подсудимые были возвращены в зал судебного заседания, полученные в их отсутствие показания были им оглашены, и они воспользовались правом задавать вопросы Михееву, свидетелям К. и др.

Приведенный пример иллюстрирует реально сложившийся приоритет правоохраняемых ценностей в сфере защиты свидетелей в условиях отсутствия специального федерального законодательства.

Фактически Верховный Суд в лице своей высшей инстанции признал правомерным: а) Сохранение органами предварительного расследования в тайне от лиц, способных оказать противодействие правосудию, данных о месте жительства свидетелей (по данному делу, исходя из интересов свидетелей и потерпевших, приложение к обвинительному заключению подсудимым не вручалось); б) Проведение закрытых судебных заседаний по делам в целях обеспечения безопасности свидетелей; в) Заслушивание судом свидетельских показаний в отсутствие подсудимого, но в присутствии адвоката.

Думается, что именно такие, вполне разумные принципы, отражающие реальную картину правоприменительной практики, в наиболее полной мере учитывающие права всех участников процесса, и должны быть непременно закреплены соответствующим федеральным законом.

В заключении следует отметить, что МВД РФ разработало проект закона о государственной защите свидетелей, потерпевших и других участников уголовного процесса, а также лиц, оказывающих содействие в раскрытии преступлений, который по замыслу разработчиков должен быть рассмотрен Госдумой нового созыва. Закон позволит проводить такие процессуальные меры по защите участников уголовного процесса в ходе следствия и суда, как изъятие их установочных данных из уголовного дела, дачу ими показаний за специальным затемненными стеклами либо посредством телекамеры вне зала суда и др.

3. Обеспечение прокурором допустимости результатов оперативно-розыскной деятельности

Нормативную основу деятельности прокурора по обеспечению результатов оперативно-розыскной деятельности помимо законодательства, устанавливающего общие положения допустимости доказательств (ст.50 Конституции, ст. 69 УПК) составляет Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации" от 12.08.95г.

Так: в соответствии со ст.11 Закона, данные, полученные оперативным путем могут использоваться в доказывании в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

Возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании определяется прежде всего тем, не нарушены ли при их получении, при

производстве розыскных мероприятий основополагающие нормы Конституции РФ о правах и свободах человека и гражданина, а также положения Закона об ОРД о задачах этой деятельности.

Представляется, что методика прокурорских проверок допустимости результатов ОРМ должна включать выяснение следующих вопросов:

- Соответствуют ли проведенные оперативно-розыскные мероприятия целям и задачам ОРД (ст.1, 2 Закона об ОРД);
- Проведены ли ОРМ уполномоченным на то органом (ст.13 Закона об ОРД);
- Предусмотрены ли Законом оперативно-розыскные мероприятия, в ходе которых была получена соответствующая информация;
- Имелись ли предусмотренные Законом основания для производства ОРМ (ч.1 ст.7 Закона об ОРД);
- Имелись ли дополнительные условия к производству ОРМ (ст.8 Закона об ОРД);
- Соблюден ли установленный законом порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий;
- Соблюдены ли требования законодательства об иммунитетах;
- Соблюдены ли требования Закона о применении в ходе ОРМ надлежащих технических средств;
- Имеется ли в материалах уголовного дела постановление начальника органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность о представлении материалов следователю (ст. 11 Закона об ОРД).

Прокурорам необходимо иметь в виду, что вопросы соответствия закону оперативно-розыскных мероприятий стали в свое время предметом изучения Пленума Верховного Суда, в постановлении которого от 30 октября 1995г. № 8 прямо указано, что поскольку ограничение права гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений допускается только на основании судебного решения (ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации), судам надлежит иметь в виду, что в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации "Об оперативно-розыскной деятельности" проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих указанные конституционные права граждан, может иметь место лишь при наличии у органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, информации о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно; о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно; о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации. Перечень органов, которым предоставлено право осуществлять оперативно-розыскную деятельность, содержится в названном Законе. Эти же обстоятельства суды должны иметь в виду при рассмотрении материалов, подтверждающих необходимость проникновения в жилище против воли проживающих в нем лиц (ст. 25 Конституции Российской Федерации), если такие материалы представляются в суд органами, осуществляющими оперативно - розыскную деятельность.

Пленум также обратил внимание судов на то, что результаты оперативно - розыскных мероприятий, связанных с ограничением конституционного права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также с проникновением в жилище против воли проживающих в нем лиц (кроме случаев, установленных федеральным законом), могут быть использованы в качестве доказательств

по делам, лишь когда они получены по разрешению суда на проведение таких мероприятий и проверены следственными органами в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

4. Критерии допустимости психологического воздействия при производстве следственных действий и надзор прокурора за соблюдением требований ч.3 ст.20 УПК.

Одной из болевых в российском уголовном процессе была и остается проблема пределов допустимого психологического воздействия при производстве допросов и других следственных действий.

Следует отметить, что хотя нормы международного права, Конституция РФ и действующий уголовно-процессуальный закон ограничивают пределы такого рода воздействия, далеко не все вопросы, связанные с правовой регламентацией подобных ограничений, нашли свое однозначное разрешение. Так, вопрос о допустимости мер воздействия при расследовании преступлений был и остается одним из наиболее сложных, острых и дискуссионных как в сфере международного права, так и в отечественной юриспруденции.

На состоявшейся в декабре 1975 года XXX сессии ООН была принята резолюция 3452 "О правилах по защите всех лиц, подвергшихся любой форме задержания и тюремного заключения". В ст.24 резолюции провозглашается: "Ни один арестованный или содержащийся под стражей не должен подвергаться физическому или психическому принуждению, пыткам, насилию, угрозам или влияниям какого бы-то не было рода, обману, хитростям, обманчивым внушениям, продолжительным допросам, гипнозу, воздействию наркотиков или любых других средств, **способных нарушить или ослабить свободу его действий или решений, его память или его способность суждения**, любое заявление его, вызванное применением какого-либо из упомянутых выше запрещенных методов, а также полученное таким образом доказательство не должно допускаться в качестве доказательств против него на любой стадии производства по делу".

В утвержденном Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1988г. Своде принципов защиты всех лиц, подвергшихся задержанию или заключению в какой бы то ни было форме также содержится запрет на применение в отношении задержанного в ходе его допроса насилия, угроз, или таких методов дознания, которые нарушают его способность принимать решения или выносить суждения.

Статья 5 Всеобщей декларации прав человека (от 10 декабря 1948г.) провозглашает, что никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию.

Аналогичные нормы содержат ст.7 "Международного пакта о гражданских и политических правах" (от 16 декабря 1966г.) и ст.3 "Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод" (от 4 ноября 1950 г.).

10 декабря 1984 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята и открыта для подписания, ратификации и присоединения "Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания". Эта Конвенция, одной из участниц которой является и Российская Федерация, определяет **понятие пытки как любого действия, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы**

получить от него или третьего лица сведения или признания, наказать его за действия, которые совершило оно или третье лицо, или в совершении которых оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение не включаются боль и страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций или вызываются ими случайно.

Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания от 28 ноября 1987г., подтверждающая основные положения одноименной Конвенции ООН ратифицирована Федеральным законом N 44-ФЗ 28 марта 1998 года.

Несмотря на огромное значение указанных международных актов в решении проблемы предупреждения пыток и других видов физического и психического насилия, многие сформулированные в них положения предполагают расширительное толкование, что создает трудности в оценке и квалификации тех или иных действий. В этой связи Комитет по правам человека ООН в замечании общего порядка № 20 к ст. 7 "Международного пакта о гражданских и политических правах" (44 сессия. 1992 год) подчеркнул, что не считает необходимым разрабатывать перечень запрещенных действий или устанавливать четкие разграничения между различными формами наказания и обращения.

Норма, текстуально почти совпадающая со ст.7 "Пакта о правах человека", содержится в ст.21 Конституции Российской Федерации, предусматривающей, что никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Статья 20 действующего УПК говорит о запрещении применения к обвиняемому, другим участвующим в деле лицам угроз и других незаконных мер воздействия с целью получения показаний.

Очевидно, что вопрос о критериях допустимости использования тех или иных способов психологического воздействия остается одним из наиболее важных в теории уголовного процесса и криминалистики.

Еще в 1964г. А.Р.Ратиновым были сформулированы условия допустимости и правомерности использования психологического воздействия на допрашиваемого. Несколько позже, в 1967 году, эти условия были конкретизированы и развиты им в монографии "Судебная психология для следователей". По мысли А.Р.Ратинова, такими условиями являются: **законность, познавательная эффективность** (направленность приема на установление истины), **избирательность воздействия** (прием должен давать эффект лишь в отношении виновных лиц и быть нейтральным по отношению к другим допрашиваемым), **соответствие профессиональной этике и нормам морали**.

Предложенные А.Р.Ратиновым критерии правомерности и допустимости психологических приемов актуальны по сей день, вместе с тем, учитывая всю сложность рассматриваемой проблемы, надо отметить, что они носят во многом обобщенный характер, а необходимость их конкретизации и уточнения ни в коей мере не утратила своего значения.

Мы считаем, что, поскольку действующее законодательство не раскрывает понятия насилия и угроз, отграничение их от правомерных тактических приемов только на основании критериев, предложенных А.Р.Ратиновым представляет собой довольно

трудную задачу. Ведь существующая редакция ст.20 УПК, как и соответствующая норма проекта УПК, содержат лишь общий запрет на получение показаний с помощью насилия, угроз и иных незаконных мер, не раскрывая сути таковых. Поэтому мы предлагаем дополнительно выделять в качестве важного условия правомерности тактических приемов общепризнанный международным правом принцип обеспечения следователем **свободы выбора поведения допрашиваемого**, что необходимо для беспрепятственного осуществления участниками процесса своих прав и законных интересов, включая возможность самому избрать ту или иную позицию на допросе. Предлагается указанный критерий допустимости психологического воздействия зафиксировать в УПК.

Попробуем проиллюстрировать сказанное на конкретных примерах:

В первом примере следователь, в производстве которого находилось дело о хищении, сообщил подозреваемому, что в его распоряжении находится специальный прибор для отыскания металлических предметов, включая изделия из золота. Поднеся несколько металлических предметов к поисковому элементу, он дал возможность подозреваемому непосредственно воспринять сигналы прибора и убедиться в его высокой чувствительности. После непродолжительного колебания подозреваемый показал следователю тщательно замаскированный тайник, обнаружение которого без соответствующего психологического воздействия на подозреваемого было бы затруднительно и даже проблематично. Во втором примере следователь в присутствии женщины, подозреваемой в убийстве своего мужа, заявил оперативным работникам, что поиски трупа должны быть приостановлены до следующего дня. Подозреваемая сама выдала себя, пытаясь ночью перепрятать труп.

Из приведенных примеров видно, что как в первом, так и во втором случаях, свобода выбора поведения подозреваемых не ограничивалась. При соответствующем критическом анализе, препятствий которому не было, действий и поведения следователя, ситуации в целом подозреваемые могли бы избрать и другую линию поведения. Описанные тактические приемы целиком основаны на правилах рефлексивных игр и связаны с использованием следователем мыслительных процессов и действий соперника. Однако, во всех случаях важно, чтобы при оказании психологического воздействия у допрашиваемого сохранялась свобода выбора поведения, а действия следователя соответствовали не только действующему законодательству, но и нормам морали.

По уголовному делу об изнасиловании фигурировали два подозреваемых, отрицавшие, однако, свое участие в совершении преступления. С целью изобличения виновных следователь сфальсифицировал протокол допроса одного из соучастников, занеся в него показания, в которых тот, якобы, признавался в совершении преступления, и вшил в материалы дела. Во время допроса второго соучастника следователь вышел из кабинета, "забыв" убрать со стола дело. Допрашиваемый же сразу воспользовался "оплошностью" следователя и прежде всего стал читать показания своего соучастника и, увидев уличающие его показания, по возвращении следователя сознался ему в совершении преступления. Следователь же впоследствии уничтожил сфальсифицированный протокол .

В данном примере налицо ограничение свободы выбора поведения обвиняемого в результате оказания на него неправомерного психологического воздействия. Кроме того следователь действовал вне установленного УПК правового поля, регламентирующего производство следствия (фальсификация материалов дела, неотражение в протоколе фактического хода проведения допроса, обман допрашиваемого).

По делу об исчезновении малолетней девочки у следователя были основания предполагать ее убийство и подозревать в совершении преступления отца потерпевшей. В процессе

допроса подозреваемый увидел в кабинете следователя детские ботинки (следователь специально подобрал точно такие, в каких была девочка в день исчезновения) и, решив, что найден труп убитой, и о его роли в совершении преступления все известно, сознался в содеянном.

В данном случае свободы действий и решений обвиняемого не была нарушена или ослаблена. При условии критической оценки происходящего допрашиваемый мог избрать и иную линию поведения. Кроме того, невиновный человек был бы абсолютно нейтрален к увиденному в кабинете следователя, т.е. сработал критерий избирательности воздействия тактического приема.

Приведенные примеры иллюстрируют изложенный ранее тезис о необходимости изменения УПК, с тем, чтобы закон подробно определял круг недопустимых методов воздействия при производстве следственных действий, но до тех пор в надзорной практике следует руководствоваться наряду со ст. 21 Конституции и действующей редакцией ч.3 ст.20 УПК общепризнанными нормами международного права.

Вместе с тем, необходимо различать психологическое принуждение как противоправную форму воздействия на граждан, попавших в орбиту уголовного судопроизводства, и меры процессуального принуждения, строго регламентированные уголовно-процессуальным законом. Очевидно, что допрос, задержание, арест и др. способны оказать сильное эмоциональное воздействие на психику человека, поэтому недопустимо их использовать в целях средства подавления воли с целью получения от подследственных “признательных показаний”.

Зачастую прокурорам приходится сталкиваться с проверкой жалоб и заявлений граждан о применении к ним недозволенных методов воздействия со стороны следователя.

В Методических рекомендациях Генеральной прокуратуры “Участие прокурора в исследовании доказательств в судебном разбирательстве” от 12 марта 1993 г. N 12/13-93 подчеркивается необходимость тщательной проверки доводов заявителя уже в ходе следствия, так как проверка заявлений подсудимого о применении к нему следователем недопустимых методов воздействия в ходе судебного разбирательства часто бывает невозможной, что влечет возвращение уголовных дел на дополнительное расследование. Генеральная прокуратура, в частности, отмечает, что для подлинной, а не формальной проверки заявления подсудимого необходимо, по крайней мере, следующее: подробный его допрос по поводу сообщаемых сведений; допросы и очные ставки с лицами, на незаконные действия которых он ссылается; выяснение обстоятельств, которые могут объективно подтвердить или, напротив, опровергнуть заявление подсудимого, прежде всего допросы лиц, которым от него могло быть известно о причинах признания, в частности - содержащихся вместе с обвиняемым под стражей; истребование данных из медицинских учреждений, где проверялось его состояние или куда он мог обращаться; истребование сведений о том, поступали ли от обвиняемого аналогичные жалобы в ходе следствия, и т.п.

В указанном документе, в частности, признается порочной практика допроса в суде в качестве свидетелей следователя и оперативных работников милиции, на нарушение закона которыми ссылается подсудимый, причем показания их потом приводятся в обвинительной речи прокурора и в приговоре в подтверждение того, что признание на следствии было достоверным. Генеральная прокуратура, подчеркивает что допрос указанных лиц в качестве свидетелей не основан на законе и отрицательный их ответ на

вопрос о том, допускали ли они незаконное давление на обвиняемого, не имеет доказательственного значения.

Глава III. Надзор прокурора за исполнением норм уголовно-процессуального закона при собирании и закреплении доказательств.

1. Обеспечение допустимости материалов доследственной проверки.

В теории и практике весьма актуальным является вопрос о возможности использования в процессе доказывания материалов доследственной проверки, проводимой в порядке ст.109 УПК. А поскольку основой таких материалов, как правило, являются объяснения пострадавших, очевидцев, заподозренных, то возникает справедливый вопрос о процессуальном соотношении протокола допроса с объяснением. Единого мнения среди процессуалистов на этот счет нет.

М.Селезнев, например, допускает возможность использовать в процессе доказывания такого рода материалы, если отсутствуют сомнения в их достоверности по существу.

Противоположной точки зрения придерживается Н.В.Сибилева, отрицающая наличие доказывания в стадии возбуждения уголовного дела.

Предпочтительнее нам представляется позиция Н.М.Кипниса, в соответствии с которой объяснения и иные документы, исходящие от заявителя могут иметь значение допустимых доказательств, равно как и документы справочно-удостоверительного характера и некоторые другие. Однако недопустимо, пишет Кипнис Н.М., под видом “иных документов” протаскивать в уголовный процесс выгодно подтверждающие позицию обвинения объяснения потенциальных обвиняемых и свидетелей и всевозможные “чистосердечные признания”, которые получают вне процессуальных правоотношений и при отсутствии процессуальных гарантий, подменяя при этом требуемые по закону показания свидетеля, подозреваемого, обвиняемого.

Нельзя также использовать в доказывании также заключения экспертиз, назначенных до возбуждения уголовного дела.

В той же связи следует отметить, что в случаях, не терпящих отлагательства осмотр места происшествия до возбуждения уголовного дела возможен, однако протокол этого следственного действия можно использовать в доказывании лишь при условии немедленного возбуждения дела (ст.178 УПК).

В свете изменений подходов к освещению критериев допустимости доказательств представляется не отвечающим современным требованиям мнение авторов монографии Теория доказательств в советском уголовном процессе о том, что “если само следственное действие проведено и его результаты закреплены с соблюдением всех правил, предусмотренных законом, то полученные таким путем фактические данные могут быть иногда использованы при доказывании, но с отнесением к другому виду доказательств (по источнику). Так, по мысли авторов, показания лица, допрошенного до возбуждения уголовного дела, могут рассматриваться как заявление (ст. 110 УПК РСФСР) или объяснение (ст. 109 УПК РСФСР); показания “обвиняемого”, полученные лицом, производящим дознание по делу, по которому обязательно предварительное следствие, могут рассматриваться как показания подозреваемого.

По нашему мнению, использование в процессуальном доказывании объяснений, заявления и объяснения пострадавшего, документов справочного характера, собранных в процессе доследственной проверки, в ряде случаев вполне оправданно, так как эти материалы можно рассматривать в качестве названных в ст.69 УПК “иных документов”. Основаниями использования в доказывании объяснений могут являться ситуации, когда допрос лица, ранее давшего объяснение, в силу каких-либо причин невозможен в связи с необходимостью устранения противоречий между объяснением и данными в процессе следствия показаниями и др.

Кроме того мы считаем допустимым использование в системе доказательств по делу материалов ревизии, аудиторской проверки, оперативно-розыскные материалы, подготовленные и направленные в органы предварительного расследования в соответствии с требованиями Закона "Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации".

У практических работников, проходящих обучение в Институте повышения квалификации руководящих кадров часто возникают вопросы: как должна быть оформлена явка с повинной? Следует ли разрешать адвокату присутствовать при получении объяснения? Следует ли признавать допустимыми так называемые протоколы изъятия оружия, наркотических веществ, финансовых документов, оформленные органом дознания или органом осуществляющим оперативно-розыскную деятельность до возбуждения уголовного дела.

Представляется, что решение этих и других вопросов находится в прямой зависимости от складывающейся в судебной практике тенденции по ужесточению требований к допустимости доказательств.

Так, по вопросу надлежащего оформления явки с повинной следует сказать, что во всех случаях должен оформляться протокол в строгом соответствии со ст.111 УПК. Представляется, что правильно поступают прокуроры, разрабатывая совместно с представителями других правоохранительных органов формализованные бланки таких протоколов.

На стадии доследственной проверки, проводимой лицом не указанным в ст.111 УПК в качестве субъекта правомочного на составление протокола, например оперуполномоченным уголовного розыска, возможно оформление признания в совершении преступления в форме заявления на имя начальника службы криминальной милиции. Представляется, однако, что в качестве явки с повинной такое признание будет выступать лишь после составления протокола надлежащим лицом после возбуждения уголовного дела.

Что касается вопроса о возможности для адвоката присутствовать при получении объяснения, то лицо, производящее доследственную проверку, как представляется, должно удовлетворять такие просьбы, так как в соответствии со ст.48 Конституции РФ **каждому** гарантировано право на получение квалифицированной юридической помощи (независимо от его процессуального положения- прим. авт.).

Представляется, однако, что такому адвокату перед началом опроса следует разъяснить его право лишь присутствовать при получении объяснения, так как другими правами, например правом задавать опрашиваемому вопросы, уголовно-процессуальным законодательством он не наделен.

По вопросу допустимости так называемых протоколов изъятия, следует отметить, что за последние годы принято достаточно много законодательных актов регламентирующих деятельность отдельно взятых правоохранительных органов, в которых содержатся нормы позволяющие производить у граждан изъятие тех или иных предметов и документов.

Таковы, например, положения п.24, 27, 27 ст.11 Закона РСФСР о милиции от 18.04.91г. в соответствии с которыми милиция вправе изымать у граждан оружие, боеприпасы и взрывчатые материалы, при наличии данных о влекущем уголовную ответственность нарушении законодательства, регулирующего финансовую, хозяйственную, предпринимательскую и торговую деятельность изымать необходимые документы на материальные ценности, денежные средства, кредитные и финансовые операции, а также образцы сырья и продукции; изымать у граждан и должностных лиц документы, имеющие признаки подделки.

Поэтому прокурор должен обязательно изучать соответствующие нормативные акты на предмет возможного превышения полномочий тем или иным правоохранительным органом при производстве непроцессуального изъятия каких-либо предметов.

Во всяком случае при производстве каких-либо изъятий, как представляется, прокурор должен исходить из приоритета их процессуальных форм (обыск, выемка) и нацеливать оперативные службы на принятие мер к закреплению доказательств в рамках уже возбужденного уголовного дела.

К сказанному следует добавить, что во всех случаях прокурор должен выяснять - проводится ли доследственная проверка уполномоченным на то лицом.

2.Иммуниеты в уголовном судопроизводстве

Под ***иммунитетами*** в уголовном судопроизводстве следует понимать определенные ограничения, связанные с возможностью получения интересующих органы следствия и суда сведений от установленной законодательством категории граждан (в ряде случаев и организаций), а также регламентирующих особый порядок расследования совершенных такими лицами преступлений.

Условно иммунитеты можно разделить на три вида:

- Свидетельский иммунитет;
- Иммуниеты, связанные с особым порядком расследования: с возбуждением уголовного дела, предъявлением обвинения, применением мер пресечения, производством отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направлением дела в суд;
- Иммуниеты, обусловленные установленной законодательством регламентацией отдельных видов тайн.

Так, закон устанавливает круг лиц, которые не могут быть допрошены в качестве свидетелей (потерпевших). В теории процесса этот правовой институт получил название "***свидетельского иммунитета***". Существуют различные основания к его установлению.

Два случая свидетельского иммунитета предусмотрены в ст. 51 Конституции РФ. Это *привилегия против самообвинения и освобождение от свидетельских показаний против своего супруга и близких родственников*. Привилегия против самообвинения (никто не обязан свидетельствовать против самого себя) означает, что следователь должен перед

началом допроса разъяснить допрашиваемому его право отказаться давать показания об обстоятельствах, уличающих его в совершении преступления. В этой связи нарушающей привилегию против самообвинения должна признаваться все еще имеющая место практика допроса в качестве свидетеля лица, в отношении которого имеются достаточные данные для привлечения в качестве обвиняемого.

Необходимо иметь в виду, что в соответствии с п. 18 указанного выше Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 31 октября 1995г. в случаях, когда подозреваемому, обвиняемому, его супругу и близким родственникам при дознании или на предварительном следствии не были разъяснены положения ст.51 Конституции, показания этих лиц должны признаваться судом полученными с нарушением закона и не могут являться доказательствами виновности обвиняемого (подозреваемого).

В соответствии со ст.161 УПК при вызове потерпевшего, его допросе и составлении протокола допроса применяются правила, регламентирующие допрос свидетеля. По этой причине иммунитет, установленный ст.51 Конституции РФ должен распространяться также и на показания потерпевших.

В соответствии с п.2 ч.2 ст.72 УПК не может допрашиваться в качестве свидетеля лицо, которое в силу своих физических или психических недостатков не способно правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания. В п.11 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 26 апреля 1984г. "О судебной практике по применению, изменению и отмене принудительных мер медицинского характера" в этой же связи указано, что показания лица, в отношении которого поставлен вопрос о применении к нему принудительных мер медицинского характера, в силу ст. 69 УПК не могут рассматриваться как источник доказательств по делу.

Закон (ч.2 ст.72 УПК) запрещает допрашивать в качестве свидетелей: защитника обвиняемого - об обстоятельствах дела, которые стали ему известны в связи с выполнением обязанностей защитника; адвоката, представителя профессионального союза и другой общественной организации об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с исполнением ими обязанностей представителя.

Тайна исповеди охраняется законом: священнослужитель не может допрашиваться или давать объяснения кому бы то ни было по обстоятельствам, которые стали ему известны из исповеди гражданина. (п.11 ч.1 ст.5 УПК; ч.2 ст.13 Закона РСФСР "О свободе вероисповеданий" от 25 октября 1990г.).

Иные случаи свидетельского иммунитета предусмотрены в ряде других нормативных актов.

Косвенно свидетельский иммунитет установлен ст.41 Закона РФ "О средствах массовой информации" от 27.12.1991 N 2124-1 (в редакции ФЗ от 05.08.2000 N 110-ФЗ), в соответствии с которой редакция обязана сохранять в тайне источник информации и не вправе называть лицо, предоставившее сведения с условием неразглашения его имени, за исключением случая, когда соответствующее требование поступило от суда в связи с находящимся в его производстве делом. К сожалению, из Закона не вытекает, могут ли допрашиваться журналисты на предварительном следствии, что на практике создает определенные трудности, связанные с расследованием дел о нарушении средствами массовой информации прав и свобод граждан. Существующие на этот счет мнения носят прямо противоположный характер. Одни считают, что на журналистов распространяется

право свидетельского иммунитета в части сообщения сведений об источнике получения информации, другие, наоборот, считают журналистов беззащитными и требуют дополнения УПК соответствующими нормами.

Причиной таких противоречивых толкований указанного закона является слишком неопределенный круг лиц, подпадающих под понятие “редакция”.

По нашему убеждению в УПК действительно должна быть введена норма, предусматривающая свидетельский иммунитет в отношении журналистов, выполняющих редакционное задание. Кроме того, в ст.41 названного закона предлагается расширить круг субъектов, по запросу которых редакция обязана предоставить материалы, послужившие основой для публикации или репортажа, включив в него следователя и прокурора.

Однако до тех пор, по нашему мнению, при разрешении подобных коллизий следователям и прокурорам следует признавать допустимым допрос журналистов поскольку, во-первых, УПК такой запрет не содержит, а во-вторых речь в данном случае идет о допросе, а не об истребовании документов, как то вытекает из ст.41 названного закона.

Особой разновидностью свидетельского иммунитета является дипломатический. Статья 31 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года предусматривает, что дипломатический агент не обязан давать показания в качестве свидетеля. Свидетельский иммунитет распространяется на членов семьи дипломатического агента, живущих вместе с ним, если они не являются гражданами государства пребывания; членов административно-технического персонала представительства и живущих с ними членов семьи, если они не являются гражданами страны пребывания; членов обслуживающего персонала представительства, если они не являются гражданами государства пребывания или не проживают в нем постоянно, относительно действий, совершаемых при исполнении своих обязанностей.

По-иному решается вопрос в отношении консульских должностных лиц и сотрудников консульства. Консульское должностное лицо может отказаться от свидетельства только в случае, если предмет показаний связан с выполнением служебных обязанностей (ст.44 Венской конвенции о консульских отношениях 1963 года).

Субъекты, на которых распространяется дипломатический иммунитет, по нашему мнению, должны быть конкретизированы в ст. 33 УПК.

Еще одна норма о свидетельском иммунитете содержится в ст.19 Закона РФ от 8 мая 1994г. N 3-ФЗ "О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального собрания РФ" (в редакции Федеральных законов от 12.03.96 № 24-ФЗ и от 15.08.96 № 114-ФЗ). В соответствии с указанным Законом, депутат Совета Федерации и депутат Государственной Думы вправе отказаться от дачи свидетельских показаний по гражданскому или уголовному делу об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с выполнением им депутатских обязанностей.

В той же связи представляется важным отметить, что в соответствии со ст.15 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” от 06.10.99г. № 184 ФЗ депутаты органов законодательной власти субъектов Российской Федерации также обладают правом на отказ от дачи свидетельских показаний.

Следует отметить, что в отношении преступлений совершенными депутатами предусматривается и особая процедура расследования. Так, согласно ст.19 Закона РФ от 8 мая 1994г. N 3-ФЗ "О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального собрания РФ" и ст.13 Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" депутаты законодательных органов соответствующих уровней государственной власти обладают неприкосновенностью в течение всего срока его полномочий и не могут быть привлечены к уголовной или административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, задержаны, арестованы, подвергнуты обыску или допросу без согласия соответствующего законодательного (представительного органа) государственной власти, кроме случаев задержания на месте преступления. Неприкосновенность депутатов распространяется на занимаемые ими жилые и служебные помещения, на их багаж, личные и служебные транспортные средства, переписку, используемые ими средства связи, а также на принадлежащие им документы. После окончания дознания, предварительного следствия или производства по делу об административном правонарушении, предусматривающем административную ответственность, налагаемую в судебном порядке, дело не может быть передано в суд без согласия соответствующей органа законодательной власти.

В указанной связи необходимо сказать, что в свое время Генеральной прокуратурой было направлено на места Указание от 10 апреля 1995 г. N 23/15 "О порядке подготовки материалов для внесения представлений о лишении неприкосновенности депутатов Совета Федерации и Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" не утратившее своей силы по настоящее время. Этим документом предписывается.

- При возникновении необходимости в получении согласия Совета Федерации или Государственной Думы на производство процессуальных действий, предусмотренных ст. 18 Федерального закона "О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации", следователям, органам дознания направлять надзирающему прокурору соответствующее мотивированное постановление.
- Надзирающему прокурору, если обращение признано обоснованным, представлять материалы прокурору субъекта Федерации или приравненному к нему прокурору с просьбой о возбуждении перед Генеральным прокурором Российской Федерации ходатайства о внесении представления, предусмотренного ст. 20 названного Федерального закона.
- Ходатайство перед Генеральным прокурором Российской Федерации возбуждать лично прокурору субъекта Федерации или приравненному к нему прокурору. Вместе с проектом представления прилагать к ходатайству обосновывающие его документы (протоколы следственных действий, заключения экспертиз и др.).
- По уголовным делам и материалам, находящимся в производстве территориальных органов МВД, ФСБ, ГТК и ДНП России, к ходатайству прилагать также заключение за подписью руководителя следственного подразделения, органа дознания федерального министерства, ведомства.
- По находящимся в производстве центральных аппаратов МВД, ФСБ, ГТК и ДНП России уголовным делам и материалам ходатайство перед Генеральным прокурором Российской Федерации руководителя следственного подразделения, органа дознания направлять вместе с проектом представления через надзирающего заместителя Генерального прокурора.
- Ходатайства, касающиеся возбуждения уголовного дела в отношении депутата, привлечения его в качестве обвиняемого или ареста, направлять в Генеральную

прокуратуру Российской Федерации вместе с материалами проверки, уголовным делом.

Достаточно широкие гарантии неприкосновенности законодатель распространяет на представителей судейского корпуса. Так, в соответствии со ст.16 Федерального закона "О статусе судей в Российской Федерации" (в ред. Федерального закона от 21.06.95 N 91-ФЗ). Уголовное дело в отношении судьи может быть возбуждено только Генеральным прокурором Российской Федерации или лицом, исполняющим его обязанности, при наличии на то согласия соответствующей квалификационной коллегии судей (п.3). Судья не может быть привлечен к уголовной ответственности, заключен под стражу, подвергнут приводу без согласия соответствующей квалификационной коллегии судей. Заключение судьи под стражу допускается не иначе как с санкции Генерального прокурора Российской Федерации или лица, исполняющего его обязанности, либо решением суда (п.4). Судья не может быть в каком бы то ни было случае задержан, а равно принудительно доставлен в какой бы то ни было государственный орган в порядке производства по делам об административных правонарушениях. Судья, задержанный по подозрению в совершении преступления, задержанный или доставленный в орган внутренних дел, другой государственный орган в порядке производства по делам об административных правонарушениях, по установлении его личности должен быть немедленно освобожден (п.5). Проникновение в жилище или служебное помещение судьи, в личный или используемый им транспорт, производство там досмотра, обыска или выемки, прослушивание его телефонных переговоров, личный досмотр и личный обыск судьи, а равно досмотр, изъятие и выемка его корреспонденции, принадлежащих ему имущества и документов производятся с соблюдением Конституции Российской Федерации, федеральных законов и только в связи с производством по уголовному делу в отношении этого судьи (п.6)..

Конституционный суд РФ признал норму п.3 ст.16 соответствующей Конституции РФ.

Представляется, что законодатель устанавливая тайну совещания судей, определяет тем самым возможность для судьи, народного и присяжного заседателей отказаться от дачи показаний об обстоятельствах, ставших им известными в ходе обсуждения в совещательной комнате (ст.302, 452 УПК)

И хотя в остальных случаях Закон не содержит запретов на допрос судьи, представляются совершенно очевидными трудности, связанные с фактическим производством этого следственного действия.

В Указании Генеральной прокуратуры № 38/36 от 05.07.99 "Об организации надзора за исполнением требований Закона Российской Федерации "О статусе судей в РФ" при рассмотрении материалов о совершенных ими преступлениях и расследовании в отношении них уголовных дел" содержится, в частности, разъяснение о том, что установленные законодательством гарантии неприкосновенности распространяются только на судей, исполняющих свои обязанности на профессиональной основе.

В соответствии с п.13. ст.24 Федерального закона от 19.09.97 N 124-ФЗ (ред. от 30.03.99) "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" член избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса на период проведения выборов, референдума не может быть привлечен без согласия прокурора субъекта Российской Федерации, а член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации - Генерального прокурора Российской Федерации.

Федерации к уголовной ответственности, подвергнут мерам административного взыскания, налагаемым в судебном порядке.

В соответствии с п.5 ст. 35 названного закона зарегистрированный кандидат не может быть привлечен без согласия прокурора (соответственно уровню выборов) к уголовной ответственности, арестован или подвергнут мерам административного взыскания, налагаемым в судебном порядке. При даче согласия на привлечение к уголовной ответственности, арест прокурор обязан известить избирательную комиссию, осуществившую регистрацию кандидата.

Такую же норму содержит ст.49 Федерального Закона от 24.06.99 N 121-ФЗ "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации".

В соответствии со п. 10 ст. 16 Федерального Закона РФ от 31.12.1999 N 228-ФЗ "О выборах Президента Российской Федерации" член избирательной комиссии с правом решающего голоса в период подготовки и проведения выборов Президента Российской Федерации не может быть привлечен к уголовной ответственности или подвергнут административному взысканию, налагаемому в судебном порядке, без согласия прокурора субъекта Российской Федерации, а член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации - без согласия Генерального прокурора Российской Федерации.

Ст. 41 (п.6) данного закона устанавливает, что зарегистрированный кандидат не может быть без согласия Генерального прокурора Российской Федерации привлечен к уголовной ответственности, арестован или подвергнут мерам административного взыскания, налагаемым в судебном порядке. При даче такого согласия Генеральный прокурор Российской Федерации немедленно извещает об этом Центральную избирательную комиссию Российской Федерации.

Следует учитывать, что современным законодательством России предусматриваются тайны: государственная (ст. 29 Конституции; ст. 2 Закона о государственной тайне; ст. 283, 284 УК), служебная (ст.139 ГК РФ, ст. 183 УК), тайна переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23 Конституции), таможенная (ст.14 Закона о таможенном тарифе), коммерческая (ст.139 ГК РФ, п.2 ст.15 Закона РФ о валютном контроле), банковская (ст.25 Закона РФ о банках и банковской деятельности), личная и семейная (ст.150 ГК РФ), врачебная (ст.35 и 61 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан, ст.9 Закона о психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании; ст.14 Закона РФ о трансплантации органов или тканей человека), нотариальная (ч.2 ст.16 Основ законодательства РФ о нотариате), тайна усыновления (ст.139 Семейный Кодекс РФ), тайна страхования (ст. 946 ГК, 137 УК) и некоторые другие. При этом не всегда остается неясным, освобождают ли указанные виды тайн от дачи показаний на предварительном следствии и в суде.

При решении практических коллизий следователь, прокурор должны выяснять закреплен ли порядок ведения допроса, представления документов в соответствующей норме отраслевого закона. Если не закреплен, то наша позиция сводится к возможности допроса таких лиц на предварительном следствии по всем интересующим вопросам.

Так, в соответствии со ст.16 Закона РФ от 21.07.93 N 5485-1 (ред. от 06.10.97) "О государственной тайне" взаимная передача сведений, составляющих государственную тайну, осуществляется органами государственной власти, предприятиями, учреждениями и организациями, не состоящими в отношении подчиненности и не выполняющими

совместных работ, с санкции органа государственной власти, в распоряжении которого находятся эти сведения.

Статья 15 Федерального закона от 17.07.1999 N 176-ФЗ "О почтовой связи" говорит о реализации Конституционного права граждан на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений. В частности, в ней предусмотрено, что осмотр и вскрытие почтовых отправлений, осмотр их вложений, а также иные ограничения тайны связи допускаются только на основании судебного решения. Информация об адресных данных пользователей услуг почтовой связи, о почтовых отправлениях, почтовых переводах денежных средств, телеграфных и иных сообщениях, входящих в сферу деятельности операторов почтовой связи, а также сами эти почтовые отправления, переводимые денежные средства, телеграфные и иные сообщения являются тайной связи и могут выдаваться только отправителям (адресатам) или их представителям.

В соответствии со ст.32 Федерального закона "О связи" от 16.02.95 N 15-ФЗ (ред. от 17.07.99) информация о почтовых отправлениях и передаваемых по сетям электрической связи сообщениях, а также сами эти отправления и сообщения могут выдаваться только отправителям и адресатам или их законным представителям. Прослушивание телефонных переговоров, ознакомление с сообщениями электросвязи, задержка, осмотр и выемка почтовых отправлений и документальной корреспонденции, получение сведений о них, а также иные ограничения тайны связи допускаются только на основании судебного решения.

Статья 16 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. Верховным Советом РФ 11.02.93 N 4462-1) закрепила, что нотариус обязан хранить в тайне сведения, которые стали ему известны в связи с осуществлением его профессиональной деятельности. Суд может освободить нотариуса от обязанности сохранения тайны, если против нотариуса возбуждено уголовное дело в связи с совершением нотариального действия.

В ст.139 ГК РФ установлено, что информация составляет коммерческую тайну в случае, когда информация имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности её третьим лицам; к ней нет свободного доступа на законном основании, и обладатель информации принимает меры к её конфиденциальности. Сведения, которые не могут составлять коммерческую тайну, определяются законами и иными правовыми актами. Например, постановление Правительства РФ "О перечне сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну" №35 от 05.12.91г.

В соответствии со ст.857 ГК РФ сведения, составляющие банковскую тайну, могут быть предоставлены только самим клиентам или их представителям. Государственным органам и их должностным лицам такие сведения могут быть предоставлены исключительно в случаях и порядке, предусмотренных законом. Ст.26 Федерального Закона "О банках и банковской деятельности" от 02.12.90 N 395-1 (ред. от 08.07.99) гласит, что справки по операциям и счетам юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, выдаются кредитной организацией им самим, судам или арбитражным судам. Счетной палате РФ, органам госналоговой службы и налоговой полиции, таможенным органам РФ в случаях, предусмотренных законодательными актами об их деятельности, а при наличии согласия прокурора - органам предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве. Справки по счетам и вкладам физических лиц выдаются кредитной организацией им самим, судам, а при наличии согласия прокурора - органам предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве.

Согласно ст.61 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан утв. Верховным Советом РФ 22.07.1993 N 5487-1 (ред. от 20.12.1999) информация о факте обращения за медицинской помощью, состоянии здоровья гражданина, диагнозе его заболевания и иные сведения, полученные при его обследовании и лечении, составляют врачебную тайну. Предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя допускается, в частности, по запросу органов дознания и следствия, прокурора и суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством, а также при наличии оснований, позволяющих полагать, что вред здоровью гражданина причинен в результате противоправных действий.

Анализ различных законодательных актов позволяет сделать вывод о том, что реализация различных форм свидетельского иммунитета как правило является правом соответствующих лиц и предполагает возможность отказаться от него. О волеизъявлении лица на этот счет следователем производится запись в протоколе допроса либо в протоколе разъяснения прав.

Учитывая, что в практике расследования возможны ситуации, когда отказавшийся от иммунитета участник процесса в силу различных обстоятельств вновь изъявит желание обрести его, необходимо предусмотреть в УПК механизм рассмотрения такого рода ходатайств.

По нашему мнению, закон должен содержать запрет на восстановление иммунитета в границах содержания ранее данных показаний, но гарантировать возможность восстановления иммунитета в отношении обстоятельств, еще не известных следствию. При этом право отказа от дачи показаний не должно включать право отказа от уже данных показаний.

Сказанное означает, что содержание ст.51 Конституции РФ должно разъясняться не только при повторных и дополнительных допросах, но и при производстве других следственных действий, связанных с дачей показаний (очная ставка, опознание, следственный эксперимент др.)

Другой актуальной проблемой, касающейся разъяснения ст.51 Конституции РФ на предварительном следствии является определение круга лиц из числа свидетелей и потерпевших, подпадающих под действие указанной нормы.

В частности, в деятельности органов предварительного расследования наблюдается тенденция к разъяснению сущности ст.51 Конституции РФ всем без исключения допрашиваемым лицам.

Думается однако, что такой подход не совсем оправдан. По смыслу конституционной нормы свидетельский иммунитет должен распространяться лишь на тех свидетелей и потерпевших, в отношении которых возникли подозрения в причастности к расследуемому преступлению, а также их родственников.

Поэтому представляется справедливым совместное Указание прокуратуры, УВД, УФСНП, УФСБ, СУ при УВД Тульской области № 15/12 от 08.09.2000г. "Об обеспечении права граждан, предусмотренного частью первой статьи 48 Конституции РФ, на стадии предварительного расследования", в соответствии с которым признается ошибочной практика разъяснения ст.51 Конституции РФ всем без исключения свидетелям по уголовному делу. В Указании подчеркивается, что правовая возможность, предоставленная ст. 51 Конституции может быть использована лицом только в отношении своих действий

или действий близких родственников, перечень которых дан в пункте 9 статьи 34 УПК РСФСР и расширительному толкованию не подлежит. При этом отказ свидетеля от дачи показаний по обстоятельствам, не изобличающим само лицо или его близких родственников, является незаконным и влечет правовые последствия, предусмотренные ст.308 УК РСФСР.

3. Надзор прокурора за законностью использования знаний сведущих лиц при производстве следственных действий.

Одним из путей повышения эффективности следственных действия является более полное использование следователями знаний сведущих лиц, поэтому осуществляя надзор за расследованием преступлений, прокурор должен обращать пристальное внимание за исполнением процессуальных норм, регламентирующих участие специалиста, эксперта, педагога, переводчика в следственных действиях.

Круг специальных вопросов, для выяснения которых в настоящее время привлекаются эксперты весьма обширен. Без проведения экспертиз не обходится расследование ни одного сложного в доказывании обстоятельств преступления уголовного дела.

Только по делам по преступлениях в сфере экологии органом (лицом), производящим расследование могут быть назначены судебно-химическая, токсикологическая, радиологическая, техническая, технологическая, гидротехническая, строительно-техническая, агротехническая, лесотехническая, зоотехническая, гидрометеорологическая, судебно-медицинская, судебно-ветеринарная, ихтиологическая, рыбохозяйственная, судебно-биологическая, экологическая и другие экспертизы.

Разумеется, по каждому виду экспертного исследования, в зависимости от поставленных перед экспертами вопросов, им потребуются те или иные материалы расследования, те или иные материальные объекты. Важное значение в таких случаях могут иметь протоколы допросов участников процесса.

Согласно п. 3 ст. 82 УПК эксперт вправе с разрешения следователя участвовать при производстве допросов и других следственных действиях и задавать допрашиваемому вопросы, относящиеся к предмету экспертизы. В соответствии со ст. 185 УПК обвиняемый вправе присутствовать с разрешения следователя при производстве экспертизы и давать объяснения эксперту.

Данная норма закона, как представляется, также отражает процессуальную активность эксперта и в ряде случаев также предполагает участие эксперта в допросе обвиняемого (подозреваемого), поскольку в интересах объективности и достоверности экспертных исследований зачастую бывают важны объяснения указанных лиц непосредственно в ходе этих исследований. Они могут быть отражены как непосредственно в акте экспертного исследования (например, объяснения обвиняемого относительно условий жизни и состояния здоровья при проведении амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы) так зафиксированы в соответствующих процессуальных источниках, наиболее распространенными из которых являются протоколы допросов.

В действующем УПК не предусмотрено аналогичного права потерпевшего, что разумеется не лишает следователя права допросить его с участием эксперта.

В соответствии со ст. 67 УПК эксперту запрещается принимать участие в производстве по делу (соответственно и участие в допросах), если он ранее участвовал в деле в качестве

специалиста, за исключением случая участия врача-специалиста в области судебной медицины в наружном осмотре трупа

При производстве следственных действий следователь получает информацию имеющую отношение к самым разнообразным отраслям знания, отбирает показания у представителей самых различных профессий, в том числе по вопросам, непосредственно связанным с их производственной деятельностью. Например, по делам о преступном загрязнении окружающей природной среды предприятиями по халатности руководителей, следователь вынужден вникать в тонкости производственных процессов, технологий и т.д. И часто ему бывает не обойтись без помощи специалиста.

В соответствии со ст. 133-1 УПК специалист будучи привлечен к участию в следственном действии, используя свои знания и навыки содействует следователю в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств, обращает внимание на обстоятельства, связанные с обнаружением, закреплением и изъятием доказательств, дает пояснения по поводу выполняемых им действий.

Специалист-лицо, обладающее специальными знаниями и навыками, вызванное следователем для участия в производстве следственных действий и оказания содействия в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств. Участвуя в следственном действии, специалист может дать советы относительно выдвижения следственных версий, следственных действий, которые можно провести и применении при этом технических средств, о том, какие целесообразно назначить экспертизы, истребовать документы.

Диапазон специальных знаний и навыков, с целью использования которых в процессуальном доказывании привлекаются соответствующие специалисты, чрезвычайно широк. Это, медицина, педагогика, химия, физика, биология. Довольно часто на практике для участия в допросах и других следственных действиях приглашаются криминалисты, психологи, специалисты в сфере экологии, техники безопасности, бухгалтерии и т. д.

Нелишне в этой связи отметить, что следователи часто прибегают к помощи специалистов для обеспечения квалифицированного применения на допросах звуко-, видеозаписи (ст. 141-1 УПК).

Осуществляя надзор за соблюдением процессуальных норм, касающихся участия специалиста в следственных действиях, прокурор должен иметь ввиду, что в соответствии со ст. 66-1 УПК специалист не может принимать участия в производстве по делу в тех же случаях, что и эксперт, т. е. как при наличии общих оснований, исключающих возможность участия в судопроизводстве (ст. 59 УПК), так и при наличии некоторых особых, как-то нахождение в служебной и иной зависимости от обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика, участие в производстве ревизии, материалы которой послужили основанием к возбуждению дела, выявления некомпетентности данного лица.

Необходимо также отметить, что в законе специально оговорено (ст. 66-1 УПК), что предыдущее участие в деле лица в качестве специалиста не является основанием для его отвода.

И по форме и содержанию участие в следственных действиях специалиста и эксперта различаются. Такие различия обусловлены более широкими процессуальными полномочиями эксперта в познании имеющих значение для дела обстоятельств по сравнению со специалистом. Но специалист также является довольно значимой

процессуальной фигурой. Об этом свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что в соответствии со ст. ст. 202 и 204 УПК защитник обвиняемого имеет право заявлять отвод специалисту при ознакомлении с делом и задавать ему вопросы при дополнительно производимых следственных действиях. Кроме того в ст. 141 указано, что специалист подписывает протокол следственного действия, в котором он участвовал.

К сожалению, действующий уголовно-процессуальный закон не предусматривает участия специалиста при допросе, и из интересующего нас круга лиц прямо указывает на возможность такого участия лишь педагога и эксперта (п.3 ст.82, ст.159 УПК).

Специалист, активно участвуя в допросе, мог бы оказать следователю неоценимую помощь в выяснении вопросов, непосредственно связанных с обстоятельствами совершенного преступления, подсказать следователю пути и способы проверки полученных доказательств.

Об этом свидетельствует эффективность допросов несовершеннолетних с участием педагога, который, обладая знаниями и опытом в понимании детской психологии, в том числе особенностей восприятия, помогает следователю получить достоверные показания от ребенка.

Применительно к участию в допросе эксперта следует отметить, что познавательная направленность таких допросов имеет свой предмет и весьма ограничена в том смысле, что связана в основном с выяснением круга вопросов, относящихся к подготовке и проведению какой-то конкретной экспертизы, при этом не преследуется цель объективизации показаний и повышения их надежности.

Анализ норм УПК, в частности ст.133-1 УПК, позволяет сделать вывод о том, что специалист может принимать участие лишь на подготовительной стадии допросов и оказывать помощь следователю в определении круга обстоятельств, подлежащих выяснению. Участие специалиста при самом допросе хотя порой и крайне целесообразно, но может поставить под сомнение допустимость результатов этого следственного действия, поскольку оно не предусмотрено законом.

Прокурор должен тщательно следить за обеспечением установленных законом гарантий достоверности показаний несовершеннолетних, при допросах которых могут, а если допрашиваемым не исполнилось 14 лет, должны присутствовать педагог, законные представители или родственники (ст.159 УПК). Законодатель в этом случае исходит из учета особенностей психологии детского восприятия и установления контакта с подростком. Вызов и допрос несовершеннолетних производится, как правило, через родителей и других законных представителей (156 УПК). В ст. 159 УПК указывается на право педагога, с разрешения следователя задавать вопросы несовершеннолетнему свидетелю. В случае, если следователь отвел вопрос, он обязан сделать об этом соответствующую отметку в протоколе допроса. В допросе несовершеннолетнего обвиняемого (ст.397 УПК), не достигшего шестнадцатилетнего возраста, по усмотрению следователя или прокурора либо по ходатайству защитника может участвовать педагог. Участие педагога возможно и при допросе несовершеннолетнего старше шестнадцати лет, если он признан умственно отсталым. До начала допроса несовершеннолетнего следователь обязан разъяснить педагогу его права, о чем делается отметка в протоколе допроса. Участвующий в допросе педагог вправе, с разрешения следователя, задавать вопросы обвиняемому. По окончании допроса участвовавший в нем педагог имеет право ознакомиться с протоколом допроса и сделать письменные замечания о правильности и полноте имеющихся в нем записей.

Участие в деле переводчика - одна из важнейших процессуальных гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве. В соответствии со ст.17 УПК, участвующим в деле лицам, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, обеспечивается право делать заявления, давать показания, заявлять ходатайства, знакомиться со всеми материалами дела, выступать в суде на родном языке и пользоваться услугами переводчика. Следственные и судебные документы, вручаются обвиняемому в переводе на его родной язык или на другой язык, которым он владеет.

Переводчик, в отличие от специалиста оказывает помощь не только следователю, но и тем лицам, участвующим в деле, которым в установленных законом случаях предоставлено право пользоваться услугами переводчика.

Выполнять функции переводчика следователь не может, даже если он и владеет языками, необходимыми для перевода.

Регламентация участия переводчика на предварительном следствии содержится в ст. ст. 17, 57, 66, 134, УПК.

Прокурор должен иметь ввиду, что участие в допросе третьего лица нередко служит серьезным препятствием как для установления психологического контакта следователя с допрашиваемым, так для реализации психологических приемов, основанных на особенностях речевого общения. Кроме того, практике известны случаи привлечения к участию в следственных действиях недобросовестных переводчиков, которые в интересах допрашиваемого могут умышленно исказить перевод показаний.

В целях предупреждения такого рода явлений, при допросе с переводчиком необходимо применять звуко- и видео-запись. Последняя форма фиксации более всего необходима при допросах глухонемых.

4. Надзор прокурора за использованием дополнительных средств фиксации при производстве следственных действий.

Вопросы прокурорского надзора за использованием технических средств можно условно подразделить на несколько групп:

Первая группа связана с обеспечением прокурором полноты предварительного следствия, и основана на высокой эффективности, воспроизведения допрашиваемому фонограмм допросов других лиц проходящих по делу, в особенности, когда речь идет о преодолении установки подозреваемого (обвиняемого) или недобросовестного свидетеля на дачу ложных показаний.

Это объясняется тем, что в данном случае на недобросовестное лицо действует дополнительный психологический фактор - он слышит голос избличающего его в преступлении лица. Причём, это наиболее значимо для недобросовестного допрашиваемого в случаях, когда показания даются соучастником преступления или заинтересованным свидетелем, обещавшими скрывать от следствия истину, но затем давшие правдивые показания.

Механизм этого тактического приема во многом обусловлен комплексным воздействием на мышление, волю и чувства допрашиваемого воспринимаемой им информации и подавляющим установкой на дачу ложных показаний. Разрушенное в результате его

применения звено в цепи вымышленных показаний влечет зачастую несостоятельность всей системы защиты недобросовестного допрашиваемого.

Однако, в ходе проведенных автором занятий с прокурорами и следователями показали, что практические работники еще недооценивают значение использования звукозаписи для обеспечения полноты, всесторонности и объективности показаний, а также с целью последующего ее использования для изобличения лиц, дающих ложные показания.

Неприменение звукозаписи, помимо отрицательного влияния на обеспечение полноты и точности фиксации полученных показаний, лишает следователей возможности использовать фонограмму допроса определенного лица для изобличения подозреваемого (обвиняемого), когда производство очной ставки по каким-либо соображениям представляется нежелательным.

В результате утрачиваются дополнительные возможности доказывания важных обстоятельств преступления по расследуемым уголовным делам.

Правовым основанием к применению звукозаписи служит ст. 141-1 УПК, разрешающей воспроизведение звукозаписи при производстве других следственных действий, и ст. 162 УПК, дающая право следователю при наличии существенных противоречий в показаниях двух ранее допрошенных лиц произвести между ними очную ставку. Причем примечательно, что регламентирующая порядок очной ставки, ст. 163 УПК прямо предусматривают возможность, после дачи участниками следственного действия показаний и записи в протоколе, огласить прежние показания, содержащиеся в протоколах предыдущих допросов, а также воспроизвести их звукозапись.

Возможность воспроизведения фонограмм, являющихся дополнительным средством фиксации показаний и приложением к протоколам допроса, по существу является правовым основанием для предъявления самих протоколов допроса.

Как известно, в соответствии с процессуальным законом источники доказательств не обладают заранее установленным преимуществом и отсутствует различие в доказательственном значении показаний и иных, предусмотренных ч. 2 ст. 69 УПК источников доказательств, поэтому, по нашему мнению, все они также могут предъявляться допрашиваемому.

В указанной выше статье УПК не определено процессуальное значение приложений к протоколам следственных действий, которые обычно также со держат важную доказательственную информацию. Часть 5 ст. 141 УПК указывает, что к протоколам прилагаются фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы опроса, планы, схемы, слепки и от тиски следов, выполненные при производстве следственных действий. Поскольку законодатель разрешает воспроизводить фонограмму допроса при производстве других следственных действий, можно сделать вывод об отсутствии процессуальных оснований к запрету использования и других приложений к протоколам.

Другая, наиболее распространенная, причина предъявления фонограмм *вызывается необходимостью детализации и конкретизации показаний*. Обычно, в этих случаях отсутствуют противоречия между показаниями и другими материалами уголовного дела, а имеет место неполнота, пробельность или определенные неточности в показаниях.

В результате утрачиваются дополнительные возможности доказывания важных обстоятельств преступления по расследуемым уголовным делам.

Следует отметить, что использование при проведении следственных действий фонограмм и других дополнительных средств фиксации составляет основу метода активизации (восстановление ассоциативных связей) По результатам проводившихся в этой сфере исследований А.Б.Соловьёв пришел к выводу, что одни доказательства - показания очевидцев, большинство документов, вещественные доказательства этого могут содействовать припоминанию забытого, а другие - большинство протоколов следственных действий, заключения экспертиз, по своему характеру являются производными, вторичными и поэтому, в большинстве случаев, они непригодны для восстановления ассоциативных связей. Действительно, благодаря такому свойству как наглядность предъявляемых доказательств, в значительной мере определяется надежность и быстрота припоминания, поскольку наряду с мысленным образом в сознании допрашиваемого здесь появляется реально существующий предмет, документ или их отображения. Поэтому приоритет следует отдать вещественным доказательствам, иным документам и приложениям к протоколам следственных действий.

Вторая группа вопросов, разрешаемых прокурором в рассматриваемой сфере относится к обеспечению объективности расследования, или так называемой “объективизации” доказывания, т.е. установления и фиксации фактических данных, не подверженных или в значительной степени менее подверженных воздействию субъективных факторов и создания условий, защищающих потерпевшего и свидетеля. Объективизация доказывания может быть главным образом осуществлена за счет установления и фиксации фактических данных с использованием современных методов и технических средств криминалистики, значительного расширения использования таких процессуальных средств, как назначение экспертиз и привлечение к участию в следственных действиях специалистов.

Ст. 141 УПК перечисляет некоторые из допустимых при расследовании технических средств (фотографирование, киносъемка, звукозапись, изготовление слепков и оттисков следов).

С развитием технического прогресса стали возникать вопросы о правомерности использования в расследовании, в том числе и при допросах, новых технических разработок и соответствующих дополнениях УПК. Некоторые ученые (А.А.Леви, Н.А.Селиванов) в этой связи считали нецелесообразным отяжелять закон перечислением допустимых при расследовании технических средств и предложили сформулировать универсальную норму, определяющую наиболее общие подходы к решению вопроса о возможности их применения т.к., по мнению авторов, технические средства, базирующиеся на подлинно научной основе, сами по себе никогда не являются законными или незаконными (незаконными могут быть лишь некоторые способы и цели их применения). Исходя из такой концепции, А.А.Леви разработал проект нормы УПК следующего содержания: “Следователь, вызванный им специалист или участвующий в следственном действии эксперт, в целях собирания, проверки и оценки доказательств, а также фиксации хода следственного действия, могут использовать научно-технические средства, соответствующие современным достижениям науки и техники, не нарушающие установленные законом права граждан, безопасные для их жизни и здоровья, не унижающие чести и достоинства, не вызывающие изменения объектов, к которым они применяются, и способствующие получению достоверных результатов”.

По нашему мнению такой подход не во всех случаях может быть оправдан.

Так, в развитии современной техники отчетливо прослеживается тенденция к компьютеризации. Появились новые цифровые фото-, видео- и аудиосистемы, основанные на программной обработке оптических и звуковых данных. В самом использовании компьютерной техники в криминалистике нет ничего недозволенного. Специальные компьютерные программы используются при производстве различных видов судебных экспертиз, криминалистических учетах и т.д. Но если говорить о конкретных цифровых устройствах фиксации звука и изображения, полностью подпадающих, кстати, под упомянутое выше определение допустимых технических средств, то возникают большие сомнения в возможности использования их в качестве средств собирания, проверки и оценки доказательств в тех достаточно широких границах, которые определены автором названного предложения.

Проблема же видится в том, что принцип преобразования оптического или звукового сигнала в электронный вид с фиксацией изменения его амплитуды на магнитных носителях в обычных аналоговых устройствах делает достаточно трудоемким процесс их подделки. Цифровые же системы, являющиеся своего рода разновидностью компьютерной техники позволяют значительно изменять характеристики и параметры фиксируемых объектов уже в процессе съемки. Так, с помощью цифровых видео- и фотокамер можно производить наложение движущегося объекта на другой фон, изменять визуальные свойства объекта (например изменять цвет одежды) и т.д. уже в момент записи, не говоря уже о последующей обработке данных в мощных графических программах-редакторах, кстати, на обычных персональных компьютерах.

Если процесс обычной аналоговой съемки позволяет фиксировать лишь постановочные (специальные) эффекты, то процесс цифровой видеозаписи позволяет моделировать визуальные эффекты, под которыми понимается манипулирование изображением с использованием сочетаний действительно отснятого камерой материала и приемов компьютерной графики, анимации и композитинга уже во время "живой" съемки, т.е. "в камере".

Представим ситуацию, при которой недобросовестный следователь, используя возможности цифрового фото или видео, умышленно изменяет параметры фиксируемого изображения в ходе осмотра места происшествия, обыска, следственного эксперимента, проверки показаний на месте и т.д. При этом присутствуют понятые и с их точки зрения следователь все делает правильно. Нетрудно представить какой вред интересам правосудия при этом наносится.

"Троянский конь" может быть разумеется представлен следователю и участниками процесса.

Конечно, можно обычную аналоговую запись преобразовать в электронный вид, обработать на соответствующем оборудовании, а затем снова преобразовать в первоначальный вид. Однако, такая работа требует, во-первых, специальных познаний, во-вторых, мощных и дорогостоящих аппаратных средств и, в-третьих, ее результаты все же могут быть в итоге выявлены экспертом.

В частности для выявления следов аналогового и цифрового монтажа предназначен комплекс криминалистического исследования фонограмм "ИКАР", разработанный специалистами "Центра речевых технологий" (г.Санкт-Петербург).

Но и его возможности в выявлении цифровых подделок не безграничны. Поэтому в настоящее время отечественными и зарубежными специалистами активно

разрабатываются системы защиты цифровой записи от монтажа. Таковой, например является разработанная в ЗАО "MARAT-C" система "КРОСС-документ", в которой впервые применен принципиально новый метод открытого маркирования файлов речевых сигналов. Этот метод не позволяет бесследно манипулировать содержимым звуковых файлов. Теперь любой известный в настоящее время, даже самый совершенный, компьютерный монтаж звуковых файлов оставит свой след в структуре звукового файла. По этим следам эксперты смогут установить факт подделки или подлинности цифровой фонограммы, полученной с помощью системы "Кросс-документ". Справедливость сказанного иллюстрируют результаты экспертных исследований "компромата" по одному весьма "нашумевшему" делу. По представленной цифровой видеозаписи экспертами ФСБ и ФАПСИ были даны взаимоисключающие заключения.

Именно по указанным выше причинам нельзя согласиться с точкой зрения Селиванова Н.А. и Белоусова А.В. не замечающих опасностей, связанных с внедрением цифровой техники в качестве средства фиксации хода и результатов следственных действий.

В частности, довод А.В.Белоусова о том, что фототаблицы, полученные при распечатке на принтере цифровых фото-, видео- материалов (файлов), полученных с использованием цифровых камер, а также методом сканирования, имеют преимущество перед обычными фото- и видео- материалами и в том, что практически исключают возможность подмены изображения, по означенным выше причинам не выдерживает никакой критики.

Изложенное свидетельствует о том, что вопрос о правомерности использования того или иного технического средства в доказывании (или, по крайней мере, некоторых из них), должен решаться законодателем дифференцировано с учетом познавательной направленности, эффективности, степени защищенности результатов применения тех или иных технических средств.

И наконец, третья группа вопросов касается выполнения прокурором надзорных функций по исполнению предписаний закона о порядке применения дополнительных средств фиксации результатов следственных действий.

Опрос проходивших обучение в ИПК РК Генпрокуратуры прокуроров показывает, что очень редко, как правило за отсутствием времени, при направлении уголовных дел в суды они просматривают видеозаписи следственных действий. Однако, результаты проведенного автором настоящей работы исследования (было просмотрено 12 различных видеозаписей), показали, что в каждом без исключения сюжете имели место нарушения процессуального порядка проведения того или иного следственного действия или применения видеосъемки. Так, к наиболее типичным ошибкам следователей следует отнести: ненадлежащее разъяснение прав участникам следственного действия, привлечение в качестве понятых сотрудников правоохранительных органов, указание на производящего съемку специалиста как на участника следственной группы и неразъяснение ему прав и обязанностей, частая постановка наводящих вопросов и другие подобные нарушения. Следует отметить, что при наличии заявленного в суде ходатайства со стороны заинтересованных лиц о просмотре таких "видеосюжетов", могут возникнуть самые серьезные сомнения не только в их допустимости, но и в допустимости самих протоколов следственных действий со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Прокурорам надлежит строго следить за соблюдением органами предварительного следствия требований ст.141-1 УПК, определяющий условия и порядок применения звукозаписи (видеозаписи – прим.авт.) при производстве следственных действий, в частности, о том, что показания, полученные в ходе допроса (или иного следственного

действия – ч.6 ст.141-1 УПК) с применением звукозаписи, заносятся в протокол допроса в соответствии установленными правилами. Протокол допроса должен также содержать: отметку о применении звукозаписи и уведомлении об этом допрашиваемого; сведения о технических средствах и условиях звукозаписи; заявления допрашиваемого по поводу применения звукозаписи; отметку о воспроизведении звукозаписи допрашиваемому; удостоверение правильности протокола и звукозаписи допрашиваемым и следователем. Звукозапись части допроса, а также повторение специально для звукозаписи показаний, данных в ходе того же допроса, не допускаются.

Указанные требования ст.141-1 УПК на практике в основном исполняются, хотя следователи зачастую сами грешат повторением за допрашиваемых той части его показаний, которую считают значимой для дела. Кроме того, прерывая видеозапись по каким-либо часто техническим причинам, следователи не оговаривают их причины и время, не делают впоследствии и соответствующих записей в протоколе следственного действия. Но наиболее распространены нарушения требований закона, связанные с окончанием производства следственного действия. Так, по окончании допроса звукозапись не воспроизводится допрашиваемому и соответственно он фактически лишается права сделать дополнения к звукозаписи показаний на фонограмму и заявление, удостоверяющее ее правильность.

Нетрудно предположить, что такие нарушения, оставленные без внимания прокурора могут также повлечь в суде исключение из дела целого ряда доказательств как недопустимых.

Глава IV. Надзор прокурора за соблюдением требований закона о собирании и закреплении доказательств надлежащим лицом.

1. Общая характеристика процессуальных норм, устанавливающих полномочия надлежащего субъекта доказывания.

Осуществляя надзор за участием в расследовании надлежащего лица, прокурор должен проверить соблюдение органами дознания и предварительного следствия следующих условий:

- 1) уголовное дело принято следователем к своему производству с соблюдением правил о подследственности (ст. 126 УПК), или он включен в состав следственной группы, о чем имеется соответствующее постановление прокурора или начальника следственного отдела (ст. 129 УПК);'
- 2) имеется отдельное поручение другого следователя (ст. 132 УПК);
- 3) следователь привлечен письменным распоряжением прокурора или начальника следственного отдела к разовому выполнению отдельного следственного действия по делу, не находящемуся в его производстве (ст.127-1, 211 УПК).

Начальник следственного отдела вправе участвовать в производстве предварительного следствия (т. е. присутствовать при проведении следователем следственного действия, задавать вопросы и т. п.) и лично производить предварительное следствие, пользуясь при этом полномочиями следователя (ст. 127 УПК).

Прокурор, надзирающий за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия, в пределах своей компетенции вправе участвовать в проведении дознания и

предварительного следствия и в необходимых случаях сам производить отдельные следственные действия или расследование в полном объеме по любому делу (ст. 211 УПК).

В правоприменительной практике непростым является вопрос о процессуальных полномочиях начальника органа дознания.

В, частности, сложилась парадоксальная ситуация, существо которой заключается в том, что начальник органа внутренних дел не является начальником органа дознания. Это связано с тем обстоятельством, что в соответствии со ст. 117 УПК органом дознания является милиция. В результате получается, что начальники службы криминальной милиции и милиции общественной безопасности, являющиеся по должности заместителями начальника органа внутренних дел обладают функциями начальников органа дознания, а их непосредственный руководитель нет.

Однако не все практические работники согласны со сложившимся положением и считают возможным расширительно толковать термин “милиция”, понимая под ним и орган внутренних дел. В частности, приводится довод о том, что, когда закон наделяет полномочиями органа дознания не должностное лицо, а учреждение, что имеет место в данном случае, то вся полнота процессуальных полномочий принадлежит руководителю этого учреждения. Согласно ст.7 Закона "О милиции" руководителем милиции является начальник органа внутренних дел. Поэтому они и должны являться носителями процессуальных прав и обязанностей. При этом подчеркивается, что лишение начальников органов внутренних дел процессуальных полномочий по руководству органами дознания автоматически освобождает их от исполнения задач, предусмотренных ст.2 Закона РСФСР "О милиции". Тем самым разрушается система единоначалия, заложенная в основу деятельности МВД по борьбе с преступностью, между подразделениями милиции наблюдается разобщенность, что значительно ослабляет единство подходов к борьбе с преступностью.

Изучив нормативные материалы, относящиеся к рассматриваемой проблеме, считаем, что действительно законодательство содержит определенный пробел, связанный с определением процессуальных полномочий руководителей органов внутренних дел.

С принятием в 1991г. Закона "О милиции" сложилась ситуация, при которой заместители начальника ОВД (УВД) стали обладать большим объемом процессуальных прав, чем их руководители, что действительно не могло не отразиться на эффективности управления работой соответствующих служб, т.е. в отсутствие, например начальника СКМ и его заместителя, начальник ОВД не вправе принять самостоятельное решение.

Вместе с тем, существующая нормативная база не позволяет рассматривать руководителей ОВД(УВД) в качестве начальника органа дознания, на что справедливо обращено внимание Генеральной прокуратуры, МВД России, Следственного комитета МВД России в совместном письме № 1/3986//25/15-1-1-1993г. от 9 сентября 1993г. "О процессуальных полномочиях руководителей органов внутренних дел".

Для наделения начальника органа внутренних дел процессуальными полномочиями необходимы изменения ст.117 УПК, где в числе органов дознания необходимо указать наряду с милицией, начальников органов внутренних дел.

2. Компетенция помощника прокурора и его возможности в обеспечении допустимости доказательств.

Говоря о полномочиях помощника городского (районного) прокурора, мы исходим прежде всего из положения ст.54 Закона о прокуратуре РФ в редакции 1999г. о наличии компетенции прокуроров различных уровней, в том числе и помощников прокурора. То, что фигура помощника прокурора играет самостоятельное процессуальное значение видно также из содержания ст.34, а кроме того, ст. 3 УПК, в которой вводится понятие пределов компетенции субъекта доказывания.

К сожалению, Закон о прокуратуре не раскрывает существа такой компетенции, применительно к надзору за исполнением законов органами следствия и дознания, нет такой нормы и в УПК. Лишь в некоторых статьях Кодекса говорится, наряду с прокурором, о фигуре его заместителя (ст. 96, 133, 153, 174, 214, 215, 216 УПК и др.).

В характеристике полномочий помощника прокурора мы исходим из положения о том, что задачей помощника является подготовка основных процессуальных актов для прокурора, подписывая которые тот осуществляет надзор за деятельностью помощника. В то же время мы считаем, что некоторые процессуальные действия и решения помощник все же вправе принимать самостоятельно.

Определение такой компетенции представляет собой самостоятельную и непростую задачу, решение которой должно быть основано на анализе норм УПК, Закона о прокуратуре, Приказов Генерального прокурора, практики прокурорского надзора и рассмотрения судами уголовных дел.

В первую очередь, для того, чтобы определить круг полномочий помощника, необходимо выделить процессуальные функции, которые закон возлагает на вышестоящих по отношению к нему прокуроров.

Для этого необходимо отметить положения УПК, в которых речь идет о полномочиях прокурора и его заместителя: ст. 96 (право санкционирования ареста), 97 (продление срока содержания под стражей), 133 (продление срока следствия), 153 (отстранение обвиняемого от должности), 167 (санкционирование выемки документов, содержащих государственную тайну), 168 (санкционирование обыска), 173 (выемка документов, содержащих сведения, являющиеся государственной тайной), 174 (наложение ареста на корреспонденцию и выемка ее в почтово - телеграфных учреждениях), 188 (помещение в лечебно - психиатрическое учреждение обвиняемого или подозреваемого, не содержащегося под стражей), 214, 215, 216, 217 УПК (принятие решений по делу, поступившему с обвинительным заключением).

Во-вторых, следует исключить нормы, в которых речь идет о санкционировании иных мер процессуального принуждения и производства следственных действий, разрешении отводов (ст. 63, 73, 75, 89, 92, 93, 101 УПК), а также даче согласия на прекращение дел по нереабилитирующим основаниям (ст. 6, 7, 8, 9 УПК). Очевидно, что речь в них идет о лишь о полномочиях прокуроров и их заместителей.

Анализ норм, в которых речь идет о прокурорах, осуществляющих надзор за следствием и дознанием (ст. 97, 121, 133 УПК - продление процессуальных сроков до одного месяца по делу, возвращенному судом для дополнительного расследования), также позволяет утверждать, что закон говорит о прокурорах, либо их заместителях.

И последнее. Важно учесть компетенцию прокуроров различных уровней, установленную в ряде случаев Законом о прокуратуре и приказами Генерального прокурора РФ. Так, ч.2 ст.33 Закон о прокуратуре в говорит о возможности освобождения каждого незаконно

подвергнутого задержанию только на основании постановления прокурора или его заместителя. Приказ Генерального прокурора РФ № 90 от 15.12.98г. “О порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры РФ” содержит требование о том, чтобы решения об отклонении обращений граждан принимали прокурор или его заместитель, и они же давали ответы заявителям. Указание Генерального прокурора № 8/40 от 05.02.98 “О порядке предания гласности материалов прокурорской и следственной деятельности работниками Генеральной прокуратуры Российской Федерации” и Указание № 43/39 от 23.06.98 “О дополнительных мерах по обеспечению сохранности служебной информации при расследовании уголовных дел”, конкретизируют ст. 139 УПК, устанавливающую порядок придания данных предварительного следствия гласности и возлагают контроль за этой деятельностью на заместителей Генерального прокурора, прокуроров субъектов федерации, районных, городских прокуроров.

Обобщая положения названных норм применительно к статье 211 УПК, характеризующей полномочия прокурора по осуществлению надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия можно назвать действия и решения, которые находятся в **исключительной компетенции прокурора** и его заместителя. Это санкционирование заключения под стражу, производства обыска и других действий следователя и органа дознания, отстранение обвиняемого от должности; продление срока расследования и содержания под стражей в качестве меры пресечения; возвращение уголовных дел органам дознания и предварительного следствия со своими указаниями о производстве дополнительного расследования; изъятие от органа дознания и передача следователю любого дела, передача дела от одного органа предварительного следствия другому, а также от одного следователя другому в целях обеспечения наиболее полного и объективного расследования; отстранение лица, производящего дознание, или следователя от дальнейшего ведения дознания или предварительного следствия, если ими допущено нарушение закона при расследовании дела и некоторые другие из числа вышеназванных полномочий.

Другие же полномочия прокурора, предусмотренные ст.211 УПК, применительно к компетенции помощника, должны определяться строго индивидуально, с учетом действующего законодательства и приказов Генерального прокурора.

По вопросу об объеме и характере письменных указаний, исходящих от помощника прокурора, наша точка зрения сводится к следующему:

Помощник прокурора вправе давать от своего имени письменные указания следователю поднадзорного правоохранительного органа по различным вопросам расследования, которые не находятся в исключительной компетенции прокурора или его заместителя а также, за исключением указаний о привлечении в качестве обвиняемого, квалификации преступления и объеме обвинения, о прекращении дела, т.е. процессуальных действий и решений, обжалование которых следователем вышестоящему прокурору влечет за собой приостановление исполнения указаний.

В вопросе о правомерности возбуждения помощником прокурора уголовного дела мы исходим из анализа норм уголовно-процессуального законодательства и Закона о прокуратуре.

В соответствии со ст.112 УПК уголовное дело может быть возбуждено прокурорами в пределах их компетенции. В самом УПК эта компетенция не определена, однако из содержания ч.1 ст. 25 Закона о прокуратуре, регламентирующей полномочия прокурора по осуществлению общего надзора и ст. 54 Закона вытекает, что помощник прокурора, исходя

из характера нарушения, допущенного **должностным лицом**, вправе вынести мотивированное постановление о возбуждении уголовного дела. В аналогичном порядке могут решаться вопросы о возбуждении уголовного дела **в случае нарушения прав и свобод человека и гражданина** (ч.2 ст.27 и ст.54 Закона о прокуратуре).

В то же время ч.2 ст.22 Закона о прокуратуре говорит о возможности возбуждения уголовного дела по основаниям, установленным законом, лишь прокурором и его заместителем.

Налицо коллизия правовых норм в рамках одного законодательного акта. Вместе с тем, по нашему мнению, допустимо толковать закон в пользу правомерности принятия помощником прокурора самостоятельных процессуальных решений о возбуждении дел о преступлениях, но лишь по составам, подпадающим под определение ч.1 ст.25 и ч.2 ст.27 Закона о прокуратуре. Однако при этом, следует иметь ввиду, что данные полномочия Закон о прокуратуре связывает с осуществлением надзора за соблюдением Конституции и исполнением законов федеральными министерствами, государственными комитетами, службами и иными федеральными органами исполнительной власти, представительными и исполнительными органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций, а также надзора за исполнением указанными субъектами прав и свобод человека и гражданина, что также сужает сферу действия названных норм.

Принимая во внимание, что в последнее время в судебной практике ярко проявились тенденции к более строгой оценке допустимости доказательств, в частности к требованию о производстве тех или иных процессуальных действий, принятию процессуальных решений надлежащим лицом, мы не рекомендуем помощникам принимать самостоятельные решения о возбуждении дел за исключением случаев, предусмотренных ч.1 ст.25 и ч.2 ст.27 Закона о прокуратуре.

Отказ же помощника прокурора в возбуждении дела представляется возможным, так как такое решение может быть обжаловано прокурору и отменено им, что можно расценивать как дополнительную гарантию законности принятого решения. Кроме того, в Постановлении Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности части четвертой статьи 113 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 29 апреля 1998 г. № 13-П в связи с запросом Костомукшского городского суда Республики Карелия не ставится под сомнение обоснованность вынесения решения об отказе в возбуждении уголовного дела помощником прокурора г.Костомукши в отношении гр. Климочкина А.В. в связи с дорожно-транспортным происшествием. Более того, Конституционным Судом подчеркнута, что порядок установленный ч.4 ст.113 УПК, в соответствии с которым отказ прокурора, следователя, органа дознания в возбуждении уголовного дела может быть обжалован надлежащему прокурору, сам по себе не противоречит провозглашенным в Конституции Российской Федерации гарантиям прав и свобод человека и гражданина, - он призван обеспечивать оперативное устранение нарушений закона, допускаемых в ходе проверки заявлений и сообщений о совершенных преступлениях.

Прекращение уголовных дел, отмена незаконных и необоснованных постановлений следователей должны по-нашему мнению производиться прокурорами и их заместителями по подготовленным помощниками прокурора материалам. Рекомендуемый порядок тесно связан с необходимостью строгого соблюдения требования ст.127 УПК о процессуальной самостоятельности следователя, который при производстве предварительного следствия

все решения о направлении следствия и производстве следственных действий принимает самостоятельно, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение санкции от прокурора, и несет полную ответственность за их законное и своевременное проведение.

В отношении незаконных и необоснованных процессуальных решений органа дознания, процессуальная самостоятельность которых законом в большей степени ограничена, по нашему мнению, можно согласиться со сложившейся практикой их отмены помощником прокурора, осуществляющим надзор за соответствующим органом дознания с согласия прокурора или его заместителя, хотя более правильной была бы все же подготовка процессуальных решений от имени прокурора или его заместителя. Речь идет, прежде всего, об отмене постановлений о приостановлении дознания и прекращении уголовного дела.

Таким образом, осуществляя надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия, помощник прокурора вправе:

- 1) возбуждать дела о преступлениях, но лишь по составам, подпадающим под определение ч.1 ст.25 и ч.2 ст.27 Закона о прокуратуре;
- 2) требовать от органов дознания и предварительного следствия для проверки уголовные дела, документы, материалы и иные сведения о совершенных преступлениях, ходе дознания, предварительного следствия и установления лиц, совершивших преступления; проверять не реже одного раза в месяц исполнение требований закона о приеме, регистрации и разрешении заявлений и сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях;
- 3) давать письменные указания о расследовании преступлений, производстве отдельных следственных действий и розыске лиц, совершивших преступления;
- 4) участвовать в производстве дознания и предварительного следствия и в необходимых случаях лично производить отдельные следственные действия или расследование в полном объеме по любому делу. (Данные полномочия вытекают из содержания ст. 31 и 54 Закона о прокуратуре, в соответствии с которыми помощник прокурора вправе принять к своему производству расследование любого преступления и Приказа Генерального прокурора № 31 от 18.06.97г. “Об организации прокурорского надзора за предварительным следствием и дознанием”, предписывающего прокурору, его заместителю или помощнику при решении вопроса о санкционировании ареста допрашивать лиц, подлежащих аресту);
- 5) отказывать в возбуждении уголовных дел;
 1. давать заключения по вопросам, отнесенным к компетенции прокурора или его заместителя, в частности, о прекращении либо приостановлении производства по уголовным делам; об обоснованности предъявленного обвинения и избрания меры пресечения и иным вопросам;
 2. отменять незаконные и необоснованные постановления о прекращении и приостановлении дел органами дознания;
 3. рассматривать по поручению прокурора обращения граждан и лично давать ответы заявителю с сообщением об удовлетворении его требований, а также разъяснения.

Представляется, что все указанные полномочия так или иначе могут быть связаны с обеспечением помощником прокурора допустимости доказательств.

Вместе с тем, анализ названных выше нормативных актов, не дает ответа на целый ряд вопросов, связанных с компетенцией помощника прокурора. Так, остается неясным вправе ли он принимать самостоятельные процессуальные решения о соединении и выделении дел (ст. 26), предъявлять и обеспечивать гражданский иск (ст. 29, 30), рассматривать заявления об отводах переводчика, специалиста, адвоката (ст. 66, 67, 67.1), разрешать ходатайства эксперта об участии при проведении следственных действий (ст. 82), принимать решения о приобщении к делу вещественных доказательств (ст. 84), направлять заявление без возбуждения дела по подследственности или подсудности (ст. 114), ограничивать обвиняемого и его защитника в ознакомлении с материалами дела (ст. 201 УПК) и некоторые другие.

Представляется, что помощник прокурора может осуществлять эти и другие полномочия, предусмотренные УПК, в рамках **делегированных ему вышестоящим прокурором**. По мысли В.П.Рябцева такое делегирование возможно в двух направлениях: в порядке использования процессуальных полномочий временно отсутствующего должностного лица, а также реализации прав, определяемых должностными инструкциями, утвержденными соответствующими прокурорами.

Замещение помощником прокурора должности прокурора или заместителя является частным случаем в надзорной практике (болезнь, очередной отпуск, временное отстранение от исполнения служебных обязанностей и т.п.). Более важным представляется определение компетенции помощника приказом или должностной инструкцией. Яркий пример такого делегирования полномочий содержится в Приказе Генерального прокурора № 57 от 21.10.96г. “Об организационных основах деятельности прокуратур городов с районным делением”, в п.4 которого Генеральный прокурор предоставляет прокурорам городов с районным делением целый комплекс различных полномочий уровня прокуратуры субъекта федерации.

Специальными инструкциями на практике определяется компетенция управлений (отделов) прокуратур и их сотрудников (начальников соответствующих подразделений, их заместителей, прокуроров отделов) при этом, в ряде случаев, делегируются некоторые полномочия прокурора и его заместителя подчиненным прокурорам. Однако такие инструкции, не отличающиеся единообразием, существуют, как правило, лишь в аппаратах прокуратур - субъектов федерации. В городских (районных) прокуратурах в лучшем случае есть распоряжения прокурора о территориально-предметном распределении обязанностей между помощниками, в которых не определена их компетенция (в том числе делегированные полномочия).

Радикально проблему могло бы решить дополнение УПК нормой, в которой, по аналогии со ст. 54 Закона о прокуратуре, необходимо предусмотреть предметную компетенцию прокуроров различных уровней.

Но до тех пор Генеральная прокуратура могла бы разработать типовые Инструкции о распределении полномочий прокуроров разных уровней, осуществляющих надзор за исполнением законов органами следствия и дознания для прокуратур-субъектов федерации и городских (районных) прокуратур.

Заключение

Учитывая проявившиеся в последнее время в судебной практике тенденции к ужесточению требований к допустимости доказательств, прокурорам следует принять необходимые меры к тому, чтобы надзор за расследованием каждого уголовного дела был ощутим уже при производстве первоначальных следственных действий (осмотр места происшествия, допрос, обыск и др.) поскольку недочеты, упущения и нарушения закона, допущенные при их проведении могут впоследствии привести к исключению соответствующих протоколов, а также протоколов иных следственных действий, выполненных по результатам первоначальных, из системы доказательств по делу. Прокурорам следует самым тщательным образом проверять исполнение требований закона, гарантирующих право подозреваемого (обвиняемого) на защиту. При выявлении соответствующих нарушений следует незамедлительно на них реагировать и принимать меры к восстановлению нарушенных прав соответствующих участников процесса. При направлении дел в суд прокурорам следует самым внимательным образом изучать прилагаемые к ним аудио- и видеоматериалы с фиксацией хода и результатов следственных действий, т.к. так как по таким материалам можно обнаружить значительное число ошибок и нарушений закона, допущенных при производстве следственных действий, не отслеживаемых по протоколам.

В целях обеспечения объективизации доказывания прокурорам надлежит добиваться более активного привлечения к участию в следственных действиях для выяснения обстоятельств расследуемого события сведущих лиц, в особенности специалистов. Участвуя в следственном действии, специалист, используя свои знания и навыки, содействует следствию в обнаружении, изъятии и закреплении доказательств, он может дать нужные советы относительно выдвижения следственных версий, их проверки и применения при этом технических средств и т.д.

Для устранения недостатков, допущенных следователями, прокурорам следует активнее использовать свое право направления дел для производства дополнительного расследования со своими письменными указаниями, в том числе и с передачей дела другому следователю.

Изложенным материалом конечно же не исчерпывается такая емкая тема, как обеспечение допустимости доказательств средствами прокурорского надзора.

Автор намерен и в дальнейшем участвовать в ее разработке.

Так, малоисследованной представляется проблема влияния незаконных и необоснованных процессуальных решений субъекта доказывания на последующую оценку доказательств, нуждаются в дальнейшей теоретической разработке и вопросы оценки доказательств по отдельным категориям уголовных дел и некоторые другие.

Список литературы и основных источников по рассматриваемой теме

Законы и другие нормативные акты

1. Конституция РФ
2. Уголовный кодекс РФ
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР в редакции ФЗ от 20.03.01 № 26 ФЗ.
4. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948г.

5. Международный пакт о гражданских и политических правах" от 16 декабря 1966г.
6. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 года
7. Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания от 28 ноября 1987г
8. Венская конвенции о дипломатических сношениях 1961 года
9. Венская конвенции о консульских отношениях 1963 года
10. Свод принципов защиты всех лиц, подвергшихся задержанию или заключению в какой бы то ни было форме. Утвержден Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1988г.
11. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.
12. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате утв. Верховным Советом РФ 11.02.93 N 4462-1// Российская газета, N 49, 13.03.93
13. Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан утв. Верховным Советом РФ 22.07.1993 //Ведомости СНД и ВС РФ, 19.08.1993, N 33, ст. 1318.Федеральный Закон РФ от 31.12.1999 N 228-ФЗ "О выборах Президента Российской Федерации// Российская газета, N 1-3, 05.01.2000
14. Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" от 06.10.99г.// Российская газета. 1999. 19 октября.
15. Федеральный закон "О почтовой связи" от 17.07.1999 N 176-ФЗ// Российская газета, N 140-141, 22.07.1999
16. Федеральный закон "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" от 24.06.99 N 121-ФЗ //Собрание законодательства РФ, 28.06.99, N 26, ст. 3178,
17. Федеральный Закон "О прокуратуре РФ" от 10.02.99 N 31-ФЗ// "Российская газета", 1999. 17 февраля.
18. Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" от 19.09.97 N 124-ФЗ (ред. от 30.03.99) //Российская газета", N 186, 25.09.97, N 189, 30.09.97.
19. Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации" от 12.08.95г.// Российская газета. 1995. 18 августа
20. Федеральный закон "О связи" от 16.02.95 //Российская газета, N 39, 22.02.95.
21. Федеральный закон "О банках и банковской деятельности" от 02.12.90 //Ведомости СНД и ВС РФ, 19.08.1993, N 33, ст. 1318.
22. Закон РФ от 26.06.92 N 3132-1 "О статусе судей в Российской Федерации"// Российская юстиция, N 11, 1995
23. Закон РФ "О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального собрания РФ от 8 мая 1994г. N 3-ФЗ // Российская газета. 1994. 12 мая
24. Закон РФ "О государственной тайне" от 21.07.93 N 5485-1 (ред. от 06.10.97)// Российская газета", N 182, 21.09.93
25. Закон РФ "О средствах массовой информации" от 27.12.1991. Ведомости СНД и ВС РФ.- 1992.- № 7.- Ст.300. "Российская газета", 2000. 8 августа.
26. Закон РСФСР о милиции от 18.04.91г 1991 года N 1026-1 "О милиции" // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1991, N 16, ст. 503; В ред. Законов РФ от 31.03.1999 N 68-ФЗ, от 06.12. 1999 N 209-ФЗ.
27. Закон РСФСР "О свободе вероисповеданий" от 25 октября 1990г Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1990.- № 21.- Ст. 240.

28. Постановление Правительства РФ "О перечне сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну" №35 от 05.12.91г //"СП РФ", 1992, N 1 - 2, ст. 7
29. Проект УПК 1997г.
30. Проект УПК, принятый Государственной Думой РФ к рассмотрению во втором чтении 20 июня 2001г.

Материалы судебной практики

31. Постановление Конституционного суда РФ от 27 июня 2000г. № 11-П "По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР" в связи с жалобой гражданина Маслова В.И.// Российская газета. 2000. 4 июля.
32. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 апреля 1998 г. №. 13-П. По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 113 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Костомукшского городского суда Республики Карелия// Российская газета № 87 от 07.05.98г.
33. Постановление Конституционного Суда РФ № 2 П от 28 января 1997г. "По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В.Антипова, Р.Л.Гитиса и С.В.Абрамова"// Российская газета. 1997. 18 февраля.
34. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.96 N 6-П "По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" в связи с жалобами граждан Р.И. Мухаметшина и А.В. Барбаша" "Российская газета", N 52, 19.03.96.
35. Постановление Пленума Верховного Суда от 8 декабря 1999г. № 84 "О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел для дополнительного расследования" //Бюллетень Верховного Суда РФ N 2, 2000 г.
36. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 31 октября 1995г."О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия" // Российская газета. 1995. 28 декабря.
37. Постановление Пленума Верховного Суда СССР "О практике применения судами законодательства, регламентирующего участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве" № 16 от 01.11.85г.
38. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 апреля 1984г. "О судебной практике по применению, изменению и отмене принудительных мер медицинского характера" Бюллетень Верховного Суда СССР.- 1984,- №3.- С. 36.
39. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 26.09.96г. по уголовному делу Комарова, Кошеева и др.// Бюллетень Верховного Суда РФ// 1997.- № 2.
40. Хаасе против Федеративной Республики Германии. Comm. Report 12.7.77, para. 120. D.R. 11, p. 78 (92).

Материалы Генеральной прокуратуры РФ

41. Решение коллегии Главной военной прокуратуры от 11 марта 1999г
42. Решение Коллегии Генеральной прокуратуры РФ от 24 мая 1996г
43. Приказ Генерального прокурора РФ № 141 от 13.11.2000 "Об усилении прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве"
44. Приказ Генерального прокурора N 56 от 25.04.2000 г. "Об организации надзора за исполнением Федерального закона "Об оперативно - розыскной деятельности"
45. Приказ Генерального прокурора РФ № 90 от 15.12.98г. "О порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры РФ"
46. Приказ Генерального прокурора РФ № 90 от 15.12.98г. "О порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры РФ".
47. Приказ Генерального прокурора №31" от 18.06.97г. "Об организации прокурорского надзора за следствием и дознанием
48. Указание Генеральной прокуратуры № 38/36 от 05.07.99 "Об организации надзора за исполнением требований Закона Российской Федерации "О статусе судей в РФ"
49. Указание Генеральной прокуратуры от 10 апреля 1995 г. N 23/15 "О порядке подготовки материалов для внесения представлений о лишении неприкосновенности депутатов Совета Федерации и Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации"
50. Указание Генерального прокурора № 43/39 от 23.06.98 "О дополнительных мерах по обеспечению сохранности служебной информации при расследовании уголовных дел".
51. Указание Генерального прокурора № 8/40 от 05.02.98 "О порядке предания гласности материалов прокурорской и следственной деятельности работниками Генеральной прокуратуры Российской Федерации"
52. Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ № 36/182-00 от 6 марта 2000г. "О состоянии преступности, результатах следственной работы и прокурорского надзора за следствием и дознанием в Российской Федерации в 1999г."
53. Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ № 28-18/99-626 от 30.09.99"О недостатках в использовании судебных экспертиз"
54. Информационное письмо Генеральной прокуратуры № 12/5-99 от 18.06.99 "О некоторых из возможных причин провозглашения коллегией присяжных заседателей оправдательных вердиктов по делам об убийствах и других тяжких преступлениях"
55. Методические рекомендации Генеральной прокуратуры от 12 марта 1993 г. N 12/13-93 "Участие прокурора в исследовании доказательств в судебном разбирательстве"
56. Совместное письмо Генеральной прокуратуры, МВД России, Следственного комитета МВД России № 1/3986//25/15-1-1-1993г. от 9 сентября 1993г. "О процессуальных полномочиях руководителей органов внутренних дел"
57. Указание прокуратуры, УВД, УФСНП, УФСБ, СУ при УВД Тульской области № 15/12 от 08.09.2000г. "Об обеспечении права граждан, предусмотренного частью первой статьи 48 Конституции РФ, на стадии предварительного расследования"

Монографии и статьи

58. Белоусов А.В. Процессуальное закрепление доказательств при расследовании преступлений. М.:Юрлитинформ, 2001
59. Боб Амен. Визуальные эффекты в цифровую эпоху // Мультимедиа - Цифровое видео.- 1998.- №1
60. Брусницын Л. Как обезопасить лиц, содействующих уголовному правосудию// Российская юстиция.- 1996. № 9.
61. Васильев А. Н., Карнеева Л. М. Тактика допроса при расследовании преступлений. М., 1970
62. Васильев А.Н. Тактика отдельных следственных действий. Москва. 1981
63. Гаврилова Н.И. Ошибки в свидетельских показаниях.М.1983
64. Гришина Е.П. Достоверность доказательств и способы ее обеспечения в уголовном процессе: Автореф. дис...канд.юрид.наук.- М., 1996.- С.18.
65. Епихин А.Ю. Защита законных прав и интересов свидетеля в уголовном процессе. Автореф. дис...канд.юрид.наук.- М., 1995.- С.7.
66. Ермаков В.Д., Осипов Г.И., Жевлаков Э.Н., Сильнов М.А.. Экологические преступления в России и прокурорский надзор в сфере охраны окружающей природной среды. - Методическое пособие. - М. 1996. С.- 72.
67. Защита по уголовному делу. Пособие для адвокатов /Под.ред. Е.Ю.Львовой – М.: Юрист, - 1998. С.48.
68. Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов-на-Дону: Феликс, 1999.
69. Каталог изделий производства компании "Центр речевых технологий", С-Пб, 2001
70. Квашиш В.Е., Вавилова Л.В. Зарубежное законодательство и практика защиты жертв преступлений: Монография. - М., ВНИИ МВД России, 1996.
71. Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М. 1995.
72. Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис... канд. юрид. наук.- М., 1996.- С.19.
73. Комлев Б. Нарушения закона, влекущие исключение показаний свидетеля, потерпевшего из процесса доказывания. Законность. № 12. 1997.С.16.
74. Комментарий к Федеральному закону “О прокуратуре Российской Федерации”/ Под ред. Скуратова Ю.И.- М.: Изд. НОРМА, 1996
75. Корневский Ю.В. Проверка и оценка достоверности доказательств. В сб.: Прокуратура и правосудие в условиях судебно-правовой реформы. М. 1997. С.130.
76. Корневский Ю.В., Токарева М.Е. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. - М., 1999
77. Леви А.А. Объективизация доказывания на предварительном расследовании как одно из средств обеспечения прав и законных интересов его участников// Участники уголовного процесса и прокурорский надзор за обеспечением органами расследования их прав и законных интересов. Методическое пособие. - М., 1995
78. Махов В. Н. Теория и практика использования знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. Докт. дисс. М. 1993
79. Международные акты о правах человека. Сборник документов. -М.: Издательская группа Норма-Инфра.- М., 1998
80. Москвитина Т.А. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона и средства их выявления, устранения и предупреждения в уголовном процессе России: Автореф. дис...канд. юрид. Наук. - Казань. 1997.

81. Никитина Е.В. Проблемы совершенствования средств доказывания: Автореф. дис...канд. юрид. наук.- Екатеринбург, 1994.- С.20.
82. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 20-е стереотипное. -М., 1989.
83. Палеев М. Почему Президент России отклонил закон о защите потерпевших и свидетелей// Российская юстиция.- 1998.- № 1
84. Порубов Н. И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Минск.1973.
85. Прадель Жан. Право на защиту во Франции // Милиция. - 1997. - № 3;
Д.Фитцджеральд. Программа обеспечения безопасности свидетелей//
Правоохранительная деятельность в США.- М., 1998.
86. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М-1967
87. Ратинов А.Р., Ефимова Н.И. Психология допроса обвиняемого.М.1988
88. Романов В.//Сегодня. -1999.19 Мая
89. Руководство для следователей. Под ред. Н.А. Селиванова и В.А. Снеткова. М.
90. Селезнев М. Некоторые аспекты допустимости доказательств// Законность.- 1994.-
№ 8.- С.39.
91. Селиванов Н.А. Критерии допустимости применения тактических приемов при
расследовании// Законность.- 1994.- №4
92. Сибилева Н.В. Допустимость доказательств в советском уголовном процессе.-
Киев, 1990.- С.31.
93. Соловьев А. Б. Использование доказательств при допросе. М. 1981
94. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Изд. 2-е исправленное и
дополненное. М.: Юридическая литература, 1973. С.244-245.
95. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Изд. 2-е исправленное и
дополненное. - М., 1973.
96. Уголовный процесс. Учебник. М.: Зерцало, 1997.
97. Чаднова И.В. К вопросу о системе следственных действий// Юридическая наука
Сибири.- Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997.- С. 231.
98. Чувилев А., Лобанов А. О порядке признания судом недопустимости доказательств
по уголовному делу "Российская юстиция" N. 11, 1996г.
99. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном
процессе. -М.: ВЮЗИ, 1972
100. Якубович Н.А., Леви А.А., Батищева Л.В., Багаутдинов Ф.Н., Пичкалева
Г.И., Халиулин А.Г. Участники уголовного процесса и прокурорский надзор за
обеспечением органами расследования их прав и законных интересов.
Методическое пособие. М. 1995.

[Возврат к списку научных трудов](#)